

ПРИЗРАКИ КАЛЛИСТО

АЛЕКСЕЙ ЕВТУШЕНКО

Алексей Анатольевич Евтушенко

Призраки Каллисто

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64036217

Аннотация

Таинственный радиосигнал пришёл со спутника Юпитера Каллисто. Впервые в своей истории человечество получило доказательство, что оно не одиноко во Вселенной. Впервые в своей истории человечество получило шанс по-настоящему вырваться за пределы Земли. Потому что у России есть космический корабль, способный за несколько месяцев достичь орбиты Юпитера, а за экипажем дело не станет. Но никто и предположить не мог, чем обернётся этот дерзкий полёт...

Содержание

Часть первая. Межпланетный корабль «Россия»	4
Глава первая	4
Глава вторая	24
Глава третья	47
Глава четвёртая	72
Глава пятая	93
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Алексей Евтушенко

Призраки Каллисто

Часть первая. Межпланетный корабль «Россия»

Глава первая

Дедовщина и сексизм. Сексизм и дедовщина. Дедовщина наглая, сексизм беззастенчивый. Это чтобы не повторяться. Можно наоборот, – суть не изменится. Думают, если самая молодая, да еще из Восточной Европы, то можно измывать-ся? Мало того, что от липких взглядов к моей заднице скоро можно будет зеркало антенны АРЕХ приклеить, и оно там прекрасно удержится, так вдобавок больше года уже сижу на этой, с позволения сказать, «важной» работе.

Ноль перспектив.

Исследования объектов Солнечной системы в метровом, дециметровом и сантиметровом диапазоне. Езус Мария, что там можно найти?! Тепловое радиоизлучение Луны. Тепловое радиоизлучение Венеры. Меркурия. И всех прочих. Скучища адская.

Юпитер поинтереснее остальных будет. Бурый Джуп заткнёт за свой магнитный и радиационные пояса что угодно. Плюс тепло, идущее из центра планеты. Плюс спутник Ио, который вертится в магнитосфере этого, поражающего воображение, гиганта, и создаёт радиовсплески. Плюс космические частицы. А ещё «толстяк» – настоящий непробиваемый голкипер Солнечной системы, который прекрасно ловит крупные и мелкие обломки астероидов и кометы. Что тоже время от времени разнообразит картину, особенно на дециметровых волнах.

Но всё равно – рутина. Коллеги – те, кто работает с излучением на субмиллиметровых, – ищут и находят органику в других звёздных системах; наблюдают за рождением газопылевых планетарных дисков – будущих планетарных систем, среди которых – кто знает! – возможно и появление мира с водой, кислородной атмосферой и жизнью; имеют дело со сверхмассивными чёрными дырами за десятки миллионов световых лет от Солнца... В конце концов, публикуются в ведущих научных журналах, получают новые степени, должности, гранты и премии! А она?

Там, в далёкой Польше наступил ноябрь. Ветер и дождь срывают последние жёлтые, бурые и алые листья с деревьев на бульварах, в скверах и парках. Брюхатые тучи низко ползут над любимым Краковом, цепляясь за верхушки башен Мариацкого костёла... Хорошо!

А здесь, в чилийской пустыне Атакама, весна. Самый раз-

гар. Тоже, в общем, неплохо. Небо синее-синее, и кактусы цветут.

«Агнешка, ты когда-нибудь пила шампанское среди цветущих кактусов?». Она вспомнила недавний пикник в горах, на который её пригласили молодые астрофизики их сектора и засмеялась. Повод был неотразимый – её же день рождения (Агнешке исполнилось двадцать шесть, праздновать она не собиралась, но биографические данные сотрудников находились в свободном доступе, – и вот результат). Ключевое слово – молодые. Мужчины. Особенно после шампанского и виски, употреблённого на высоте в два с половиной километра над уровнем моря. Какая там астрофизика – петухи, да и только. Высокогорные, ха-ха.

Ладно, кто знает, глядишь, новое южноамериканское лето принесёт долгожданные перемены к лучшему в её судьбе. Может же такое быть, правда? Пресвятая Дева Мария, сделай так, чтобы это случилось, пожалуйста, очень надо.

Научный сотрудник международного радиоастрономического комплекса ALMA Агнесса Калиновская (она же Агнешка, длинные ноги, обалденная задница, умная голова, чарующее лицо, льняные волосы и серые глаза) украдкой огляделась по сторонам, быстро перекрестилась, потянула на себя дверь и вошла в Центр управления. До начала её смены оставалось пять минут.

А ещё через тридцать её жизнь изменилась так круто, как она не могла себе представить в самых неудержимых мечтах.

– Часы по тебе сверять, – выдал дежурную фразу коллеги-сменщик и поднялся с рабочего кресла. – Атомные.

Этот, обременённый женой и тремя детьми чилиец средних лет по имени Хорхе Альварес, нравился Агнешке. Во-первых, он был некрасив и ниже её ростом, из-за чего она чувствовала по отношению к Хорхе одновременно некоторое превосходство и снисходительность. Во-вторых, он умел быть галантным без сексизма – редчайшее мужское качество. И, наконец, в-третьих, Хорхе Альварес обладал чувством юмора.

– Привет, Хорхе!

– Салют, Агнешка!

Говорили они по-английски. Испанским Агнешка владела плохо, а на польском Хорхе за всё время их знакомства твёрдо выучил только знаменитое «psia krew» и «do widzenia»¹.

– Как жена, как дети?

– Спасибо. Жена всё красивее, дети всё умнее. Ещё бы денег пореже просили – и совсем хорошо.

– Красота и ум без денег, что бриллианты без оправы.

– Знаешь толк в бриллиантах?

– Если бы, – вздохнула Агнешка. – Но не прочь.

– С пониманием, – сказал Хорхе, натягивая куртку. – Как там, за стенами нашего узилища?

– Солнце зашло, похолодало. Высота над уровнем моря

---

¹ Пёсья кровь (распространённое польское ругательство); до свидания (пер. с польского).

по-прежнему два километра девятьсот метров.

– Хотя что-то в этом мире стабильно. Ладно, не скучай тут.

Хорхе махнул рукой и вышел.

Агнешка сняла куртку, повесила её в шкаф, переобулась, надела рабочий халат и уселась в ещё тёплое после Хорхе кресло. Глаза привычно скользнули по данным на вирт-мониторе. Так, что у нас сегодня? Должен быть Юпитер по графику. Всё правильно, Юпитер и есть...

Она быстро погрузилась в работу, отмечая и анализируя давно привычные радиовсплески в диапазоне от пяти до сорока трех мегагерц. Это прекрасно делала и компьютерная программа, но присутствие человека-наблюдателя считалось необходимым. На всякий случай.

Первый необычный радиовсплеск компьютер зафиксировал ровно в двадцать один час тридцать пять минут по местному времени. Агнешка и сама его заметила. Четыре абсолютно одинаковых пика в S-диапазоне на частоте два восемьдесят семь сотых гигагерц. Длина волны – двенадцать сантиметров.

Она потому и заметила, что и частота, и длина выбивались из привычной, наблюдаемой годами и десятилетиями, картины. Не говоря уже об их абсолютной идентичности, которая мгновенно бросалась в глаза.

А что у нас со звуком?

Одним движением Агнешка водрузила на голову наушники.

ки, которые до этого болтались на шее (всё это природное космическое радиозвучание давно ей надоело), проверила, идёт ли запись (запись шла).

– Джа-аа. Зре-уут. Го-от. Джа-аа. Зре-уут. Го-от. Джа-аа. Зре-уут. Го-от. Джа-аа. Зре-уут. Го-от, – четырежды пропел высокий голос.

Пропел?

Голос?!

Какого...

«S-диапазон... – пальцы Агнешки метались по клавиатуре, задавая компьютеру параметры проверки, голова соображала чётко и стремительно. – Он же Short-band по-английски, десяти сантиметровой диапазон РЛС, на котором работают многие спутники и некоторые межпланетные аппараты. Что у нас сейчас в космосе ближнем и дальнем?»

На монитор выскочили данные проверки-запроса.

Ни один искусственный объект в космосе не мог послать этот сигнал.

Программа выдала однозначную информацию: сигнал на частоте два и восемьдесят семь сотых гигагерц пришёл из окрестностей Юпитера. Расстояние – шестьсот девяносто два миллиона километров.

Из окрестностей? То есть, это не сам Бурый Джуп шалит? Хотя какие, пся крев, шалости. Она слышала голос. Голос! Слова! И эти слова записаны... Вот. Снова!

Четыре абсолютно идентичных всплеска на мониторе. Тот

же диапазон и та же частота. И тот же голос в наушниках. Высокий, словно о чем-то просящий:

– Джа-аа. Зре-уут. Го-от. Джа-аа. Зре-уут. Го-от. Джа-аа. Зре-уут. Го-от. Джа-аа. Зре-уут. Го-от.

Так, спокойно. Ещё раз всё проверь. Нет, не раз. Десять раз! Потом думать и действовать. Не хватало ещё стать посмешищем у всего научного мира.

В течение следующих сорока двух минут сигнал пришёл трижды. Все проверки дали одну и ту же картину: радиосигнал, а точнее радиопередача (вероятность искусственного происхождения девяносто девять и девятьсот девяносто восемь тысячных) идёт со спутника Юпитера – Каллисто. Язык радиопередачи не поддаётся идентификации.

Агнешка ещё дважды услышала высокий голос, выговаривающий одни и те же, абсолютно непонятные фантастические слова, и дважды увидела на экране уже знакомые идентичные радиовсплески. Затем спутник ушёл в зону радиомолчания, и связь прервалась. Агнешка помнила период обращения Каллисто вокруг Юпитера, но на всякий случай уточнила. Всё правильно, теперь ждать восемь суток.

Она посидела ещё некоторое время, стараясь успокоиться. В двадцатый раз всё проверила. Затем подумала и проверила в двадцать первый. Особенно успокоиться не удалось – адреналин продолжал бурлить в крови, пульс зашкаливал. Рука сама тянулась к служебному телефону, чтобы снять трубку и поставить начальство в известность. Во-пер-

вых, так положено. А во-вторых, где гарантии, что кто-то тоже заметит (если уже не заметил!) и не сделает этого раньше? Приоритет важен. Рассмейтесь в лицо тем, кто скажет, что это не так. Главное, мол, общая победа и счастье всего человечества. Ага. Человечеству вообще плевать на собственное счастье, ему под нос его суёшь, а оно отворачивается. Не хочу, ворчит, убери это, другое давай. Поэтому – на фиг и даёшь приоритет. Кто первый встал, того и тапки, как говорит моя русская бабушка Лена. Тем более что проверки упрямо показывали одно и то же: ошибки нет.

– Точно нет? Ты уверена?

– Точно. Уверена.

– Ну смотри. Если ты чего-то не заметила или не учла...

– Да, я знаю.

– И всё-таки не мешало бы ещё разок...

– Заткнись.

Внутренний голос обиженно умолк.

Агнешка прикрыла глаза, медленно досчитала до десяти, глубоко вдохнула, медленно выдохнула. Отметила время – двадцать два часа тридцать семь минут. Поздновато, но сенсация часов не соблюдает. А если это не сенсация, то...

Всё, хватит рефлексировать.

Протянула руку, сняла трубку, набрала номер.

Длинные гудки. Один, второй, третий, четвёртый...

– Кому там жить надоело? – раздался в трубке ворчливый голос начальства.

Ага, не спит. Уже хорошо.

– Добрый вечер, Уильям. Это Калиновская. Я на работе сейчас.

– Агнешка?

– Да, я, Агнешка. Из ЦУ вам звоню.

– Что случилось?

– Ничего плохого. Хотя, как посмотреть...

– Выкладывай уже. Подозреваю, что причина, которая вынудила тебя позвонить в такое время, должна быть весьма существенной.

– Можете не сомневаться, – уверила Агнешка, а затем чётко и кратко, почти по-военному, рассказала о необычных радиовсплесках. Замолчала. На другом конце провода тоже молчали.

– Уильям? – осторожно позвала она.

– Здесь я, здесь, – ответил тот. – Агнешка, я вынужден спросить. Вы уверены, что не пили на рабочем месте, и это не глупая шутка, которая сейчас, в вашем состоянии, кажется вам очень весёлой?

– Шеф, приезжайте, – сказала Агнешка. – Приезжайте прямо сейчас, и сами всё увидите и услышите. В записи, разумеется. Каллисто уже спрятался за Юпитер и находится в зоне радиомолчания. Извините, сразу не сказала. Заодно проверите, пила я или нет. Дыхну на вас, так и быть. С близкого расстояния.

– Это лишнее, – быстро сказал шеф. – Понял, ждите...

Стоп, ещё один вопрос. Вы больше никому не звонили? Кто ещё в курсе?

– Больше никто. Только я и вы.

– Это хорошо. Пусть так пока и остаётся. Ждите, – повторил он и повесил трубку.

От дома начальника их сектора профессора Уильяма Гилеви до двери Центра управления ALMA, самого крупного радиотелескопа на Земле, расположенного на севере Чили в пустыне Атакама, было меньше десяти минут на машине. Это если на педаль газа сильно не давить. Хотя какой там газ, все автомобили в научном городке давно электрические. С тех пор, как русские изобрели свою «вечную батарейку», основанную на изотопе никеля-63, а затем и гораздо более мощный «вечный аккумулятор», мир изменился.

И не только их.

За последние годы русские много чего потрясающего и крутого изобрели. Что удивительнее всего, не только изобрели, а наладили производство и сумели выйти на мировой рынок. Торгуют этим всем теперь, богатеют. Даже как-то не похоже на них. Раньше любой нормальный европейский обыватель знал, что богатый русский – это нефть и газ. Ну, алюминий ещё. Это если обыватель хоть немного продвинутый. Сталь. Зерно. Оружие. Как всегда, в общем. Нынче картина изменилась... Ладно, Бог с ними, с русскими, даром, что во мне четверть московской крови. Где шеф? Шесть минут уже прошло. Если я правильно изучила его натуру (а я правиль-

но её изучила), он сейчас должен сюда мчаться. Визжа тормозами на поворотах. Ага, вот и он. Слышу шаги.

Дверь распахнулась. Агнешка уже стояла.

– Привет, шеф! – поздоровалась первой. – Извините, что оторвала от семейного очага.

– Показывай, – Уильям Гилеви прошёл к рабочему креслу Агнешки, уселся.

Был он без шапки, в лёгкой куртке, под которой виднелся коричневый джемпер поверх светло бежевой рубашки, в голубых, под цвет глаз, вытертых джинсах и модных бело-коричневых глайд-туфлях из живой искусственной кожи (писк последнего сезона, мир сходит с ума, в фирменные обувные магазины километровые очереди). Профессору Гилеви через месяц исполнялось семьдесят два года, но движения у него были молодые, быстрые. Как движения тела, так и движения мысли. Сухощавый, подтянутый. Если бы не густая сеть морщин, брыли на подбородке и абсолютно лысый череп с коричневатыми пигментными пятнами, так и не сказать, что старик. Вполне себе годный мужчина. Хотя и пожилой, конечно. В любом случае, человек, способный в его возрасте полноценно работать на высоте без малого три тысячи метров над уровнем моря, заслуживает уважения. А с учётом того, что он лично, как ей было доподлинно известно, поднимается иногда на высоту пять километров, где непосредственно расположены десятки гигантских антенн радиотелескопа и прочая сложнейшая аппаратура, то и восхищения.

Понятно, что не просто так поднимается, с кислородной маской, ну так и молодым туда без масок соваться запрещено служебной инструкцией.

– Вы бы куртку сняли, Уильям, – сказала она. – Тепло у нас. Вспотеете. А потом, не дай Бог, продует... Ваша жена мне этого не простит.

Начальство обожгло Агнешку свирепым взглядом, молча стянуло куртку и протянуло ей:

– Повесь в шкаф. Пожалуйста. И не выделяйся. Я тебе в дедушки гожусь.

– В отцы, так и быть, – сказала Агнешка и спрятала куртку в шкаф. Затем, не дожидаясь следующей реплики, быстро включила запись. – Вот. Смотрите и слушайте.

Через сорок пять минут, за полчаса до полуночи, профессор сдался.

За это время он раз десять помянул чёрта, дважды пил кофе («в задницу режим, не до него сейчас!») один раз принял таблетку от давления и один раз позвонил домой – предупредить жену, чтобы не ждала, ложилась спать.

– Что значит, не лягу? – Агнешка невольно услышала разговор, поскольку, когда она попыталась выйти из комнаты, Уильям нетерпеливо махнул ей рукой, – сиди, мол. – Я не знаю, когда вернусь... Да, очень важно... Да... Нет, не могу пока сказать, прости. Завтра всё узнаешь... Агнешка... Она умница... Да, хорошо, – он прикрыл трубку ладонью. – Вам привет от моей жены.

– И ей от меня передавайте, – сказала Агнешка.

– И тебе привет, – сказал в трубку профессор. – Всё, целую и спокойной ночи.

Положил трубку, потёр ладонями лицо, допил кофе.

– Иногда я жалею, что бросил курить, – сказал он. – Сейчас бы трубочку да подумать...

– Не могу даже посочувствовать, – сказала Агнешка. – Я и не начинала.

– Молодец. За что я вас, молодёжь, люблю, так это за стремление к здоровому образу жизни. Хотя иногда вы с этим и крепко перегибаете.

Агнешка дипломатично молчала.

– Ну что, звоним директору? – осведомилось начальство, не дождавшись ответной реплики. Было понятно, что при всей своей независимости и авторитете звонить Уильяму не хочется. Уж очень велик риск изрядно этот авторитет уронить. Если не полностью превратить в хлам. А ну как всё-таки хитро замаскированная ошибка? – Он главный, ему решать, что делать дальше.

Директора радиотелескопа звали Ёсикава Хироси. Был он, как понятно из имени, японцем и администратором от Бога. Его уважали и побаивались, хотя в качестве учёного он мало что собой представлял. Классический случай – хороший организатор крайне редко бывает таким же хорошим ученым, и наоборот.

Никто от Ёсикава великих идей и открытий и не ждал.

Достаточно было того, что крупнейший на планете радиотелескоп безупречно работает, и его международная команда учёных и техников год за годом выдаёт блестящие результаты. То есть, проблем у телескопа была куча. Финансовых, административных, технических и даже кадрово-политических (сказывался международный статус). Как и у любой крупной структуры подобного рода. Но со всеми директор Ёсикава Хироси справлялся достойно, по мере их поступления и согласно приоритетам. Не меняя бесстрастного выражения лица.

– Звоните, – сказала Агнешка. – Звоните, Уильям. Я с вами.

Уильям вздохнул, покосился на часы, ещё раз вздохнул и снял телефонную трубку.

На часах, как отметила Агнешка, было двадцать три часа тридцать восемь минут.

Ёсикава Хироси прибыл в Центр управления радиотелескопом за пять минут до полуночи. Сорок девять лет, идеально бритое лицо, легкая седина и непроницаемый взгляд тёмных японских глаз. Был он в безупречной чёрной паре, ослепительно белой рубашке и при галстукке. На ногах, в отличие от легкомысленных глайд-туфель Уильяма, – сияющие чёрные классические английские туфли ручной работы.

– Показывайте, – бросил он, поздоровавшись, и уселся к вирт-монитору рядом с Уильямом.

Всё повторилось сначала. Только директор Ёсикава Хиро-

си не чертыхался, не просил кофе и никому не звонил. Дважды, но быстро и молча прослушал запись неизвестного голоса, изучил характеристики радиовсплесков, уточнил время обращения Каллисто вокруг Юпитера.

– Вы уверены, что это не какой-нибудь наш межпланетный аппарат? – спросил.

Агнешка вывела на экран список:

– Вот, смотрите. Здесь всё, что летает в космосе сегодня. За исключением орбитальных спутников и МКС, поскольку это не они, там другой протокол.

– Вы абсолютно уверены?

Уильям и Агнешка переглянулись.

– Как в том, что меня зовут Уильям Гилеви, – сказал Уильям. – Сигнал идёт с Каллисто. Вы сами только что всё видели и слышали. Ко всему прочему, в районе Юпитера у человечества сегодня нет ни одной исследовательской станции. Последний межпланетный аппарат нырнул в атмосферу Бурого Джупа тринадцать лет назад, в две тысячи двадцать первом.

– «Юнона» – кивнул директор.

– Она.

– Язык, на котором идёт передача, нашему ИИ неизвестен, – осмелилась заговорить Агнешка. – Ради такого случая он даже скачал глубоко специализированную прогу у коллег-лингвистов. – Никто и никогда на этом или похожем языке на Земле не говорил.

– Впечатляет, – сказал Ёсикава Хироси. – Значит, мы, вероятно, имеем дело с величайшей научной сенсацией в истории. Мы впервые столкнулись с доказательством, что человечество не одиноко во Вселенной. Пафосно звучит, понимаю, но это правда. Что будем делать, коллеги?

– Не знаю, как вы, а я бы выпил, – неожиданно сказал Уильям. – Как-то это всё слишком волнительно для моего старого потрёпанного сердца. В чисто терапевтических целях.

– Здравая мысль, – кивнул директор. Оба посмотрели на Агнешку.

– Что? – развела она руками. – Неужели вы думаете...

– Я бы сходил к себе в кабинет, но это далеко и неудобно, – сказал директор. – Прошу вас, Агнешка-тян. Будем вам только благодарны, – в тёмных непроницаемых глазах Ёсикава Хироси Агнешка прочитала намёк на улыбку.

– Судьба женщины – накрывать на стол, да? – пробурчала она.

Непосредственное начальство откровенно ухмыльнулось, блеснув хорошими американскими искусственными зубами.

– Ну что вы, – сказал директор. – Просто вы хозяйка, а мы гости. Правда, Билл?

– А то, – подтвердил Уильям и посмотрел на Агнешку. – Если хотите, могу помочь. Стаканы там помыть...

– Сидите уже, помощники. Но сразу говорю – есть только коньяк.

– Годится, – кивнул директор.

– Отлично, – сказал Уильям. – Нет лучше средства понизить давление, подскочившее от столь невероятных фактов, свалившихся на нас этой знаменательной ночью.

Через пять минут они подкатали кресла к широкой офисной тумбочке, которую Агнешка расчистила от бумаг и водрузила на неё початую бутылку «мартеля», три металлических стаканчика объёмом не более пятидесяти грамм каждый и блюдо с нарезанным и посыпанным сахаром лимоном.

– Знаю, – сказал Уильям. – Русские так пьют коньяк. Лимоном с сахаром закусывают. Мне всегда казалось это странным.

– А вы пробовали? – спросила Агнешка.

– Нет.

– Вот и попробуйте.

Уильям взял бутылку, разлил.

– С удовольствием, – сообщил он.

– За что пьём? – осведомилась Агнешка, беря стаканчик.

– За то, чтобы мы не ошибались, и это действительно оказался инопланетный разум, – с самым серьёзным видом произнёс Ёсикава Хироси. – И дело даже не в нашей репутации.

– Просто очень хочется, – закончила за него Агнешка.

– Да, – подтвердил директор. – Именно так.

Выпили, закусили лимоном.

– Мне кажется, это должен быть автомат, – сказала Агнешка. – Коньяк подействовал благотворно и снял последние

остатки излишнего напряжения перед начальством. Впрочем, в любой мужской компании Агнешка всегда осваивалась быстро.

– Да уж явно не живое существо, – усмехнулся Уильям.

– Почему? – спросил Ёсикава, разглядывая обглоданную лимонную корочку, которую держал на весу двумя пальцами.

– Это можно не есть, – сказала Агнешка. – Положите вот сюда, на бумагу.

– Спасибо, – Ёсикава последовал совету и вытер пальцы салфеткой. – Кстати, весьма любопытная закуска для коньяка. И всё-таки, почему?

Уильям хмыкнул и взялся за бутылку.

– Теоретически, – сказал он, – там, конечно, может быть живое существо. Но только теоретически.

– Я понимаю, – кивнул Ёсикава. – Но один шанс из ста миллионов нам уже выпал. Почему бы не выпасть и одному из ста миллиардов?

– Да вы романтик, сятё², – Уильям разлил по второй.

– Бросьте ваши японские церемонии, Уильям, – сказал Ёсикава. – Хотя я очень ценю, что вам о них известно. Можно просто по имени.

– И мне? – не удержалась Агнешка.

– Я бы почувствовал себя бездушным бюрократическим

---

² Директор (яп. ##). Принятое в Японии обращение подчинённого к начальству.

чудовищем, не ответив на этот вопрос утвердительно, – галантно наклонил голову директор.

– Спасибо, – она улыбнулась своей отборной улыбкой.

Ёсикава кашлянул. Уильям поднял стаканчик.

– За нашу победу, – сказал он. – Чувствую, нас впереди ожидают те ещё бои.

Выпили.

Какое мудрое было решение, подумала Агнешка. Коньяк – отличное средство от стресса. Если в меру, конечно. А уж стресс был такой, что я даже не знаю. Последний раз испытывала нечто подобное, когда собиралась замуж за Марека. Хотя нет, всё равно не сравнить. Этот круче.

Тем временем Уильям и Ёсикава продолжали обсуждать таинственный чужой радиосигнал и все возможные аспекты, связанные с его появлением. Агнешка без всяких вопросов поняла, что мужчинам и учёным нужно было уяснить для себя некоторые важные моменты, прежде чем ставить в известность коллег, готовить пресс-релиз и заниматься массой других срочных дел, которые неизбежно на них свалятся, как только сенсационная новость станет общедоступной.

– Логически рассуждая, – сказал Уильям, – они должны были прилететь недавно. Сравнительно недавно, конечно.

– Потому что раньше сигналов не было, – кивнул Ёсикава. – Иначе кто-то обязательно бы их поймал. И нам стало бы об этом известно.

– Верно, – продолжил Уильям. – Что в свою очередь озна-

чает...

Он вдруг замер, не договорив фразу. Взгляд его голубых, уже слегка выцветших от прожитых лет глаз, приобрёл характерное выражение, которое бывает у человека, неожиданно вспомнившего нечто весьма важное.

– Что? – спросила Агнешка. – Что случилось, Уильям?

– Вот же чёрт... – пробормотал учёный. – Кажется, я всё-таки идиот.

Ёсикава молча смотрел на коллегу, прищулив и без того узкие глаза.

– Сейчас, – пробормотал Уильям. – Одну минуту. Если только я его не стёр случайно...

Он сделал характерный жест левой рукой, похожий на тот, который ещё не так давно делали мужчины, чтобы посмотреть на часы. Раздался едва слышный щелчок комм-браслета. Над ладонью Уильяма всплыл и мягко засветился вирт-экран. Агнешка и Ёсикава не видели, что на нём, информация шла в защищённом режиме. Ждали.

– Где же оно... – Уильям быстро двигал пальцами, разыскивая что-то, лишь ему ведомое, в облачном хранилище. – Неужели всё-таки... А, нет, вот оно! – торжествующе воскликнул он. – Нашёл!

Глава вторая

Это было письмо. Уильям получил его два года назад от некоего чудака из Чикаго. В письме чудака утверждал, что имеет доказательства существования инопланетной цивилизации.

– Смотрите, – Уильям развернул экран так, чтобы было видно всем. – Вот здесь... – движением пальцев он выделил, увеличил текст и принялся читать вслух:

– «... в найденных мной архивах Чикагской городской радиостанции за тысяча девятьсот двадцать седьмой год. Архив попал ко мне, можно сказать, случайно (если интересно, расскажу эту историю потом), а его изучением я занялся, поскольку моё хобби, как я уже говорил, – это радио и всё, что с ним связано...» Так, дальше он пишет, как любит радио и чего достиг, это пропустим... Вот. «... за апрель тысяча девятьсот двадцать седьмого года. А именно двадцать шестого апреля, вторник. Запись в рабочем дневнике гласит, что служащий радиостанции, техник по имени Курт Шпильман во время ночного дежурства поймал странную передачу на абсолютно незнакомом языке. И – что самое главное! – сумел её записать на диктофон Луи Блаттнера...» Это был, по сути, первый магнитофон, там стальная проволока использовалась для записи сигнала, – пояснил Уильям.

– Был такой, – подтвердил Ёсикава, – помню, читал. И

даже видел в музее звукозаписи. В Екатеринбурге.

– Россия? – спросила Агнешка.

– Другого Екатеринбурга я не знаю.

– Читаю дальше, – предупредил Уильям.

– Давайте, – согласился Ёсикава.

– «Буду краток, иначе вы устанете и не дочитаете письмо», – продолжил Уильям. – «Курт Шпильман предположил, что принял сигнал с другой планеты. Да, я знаю, что в то время была модна тема марсианских каналов, и про знаменитую радиопостановку «Войны миров» Герберта Уэллса в тысяча девятьсот тридцать восьмом году тоже знаю. И тем не менее. Я нашёл правнука Курта Шпильмана! Его зовут Бакстер. Бакстер Холл, ему сорок четыре года. Курт Шпильман – его прадедушка по материнской линии. Бакстер не только живёт в Чикаго, в доме прадеда, но и сохранил ту самую катушку с той самой проволокой, на которой уцелела запись той самой радиопередачи. Да, невероятно, но она уцелела, хоть и была сильно повреждена. Мне удалось её оцифровать и восстановить (это тоже целая история, которой сейчас не место. Скажу только, что сам Курт Шпильман скорпостижно скончался от рака перед самой Второй мировой войной и завещал своему сыну хранить запись, как зеницу ока). У нас с Бакстером Холлом договор, по которому ему причитается доля, в случае, если я сумею эту запись продать. Поймите меня правильно, я не прошу за неё денег, но запись бесценна. Я тщательно её изучил, а также все обстоятельства, при

которых она была получена, и пришёл к выводу, что, скорее всего, мы имеем дело с инопланетным сигналом бедствия. Вероятнее всего, сигнал был послан из окрестностей Юпитера в конце апреля тысяча девятьсот двадцать седьмого года – года Великого противостояния, которое, как вам, несомненно, известно, случается раз в двенадцать лет. Это четырежды повторяющийся набор из трёх слов в S-диапазоне. На языке, которого нет и никогда не существовало на планете Земля. Вот всё, что я могу пока сказать. Прошу вас отнестись к этому письму серьёзно – я не сумасшедший и не мошенник. Возможно, мы с вами находимся на пороге величайшей сенсации в истории человечества, но я просто не располагаю необходимыми техническими средствами, чтобы проверить всё досконально. Но такие средства есть у вас. Готов предоставить запись и все материалы по первой вашей просьбе. Жду ответа. Ваш Кевин Харпер». Дата отправления – семнадцатое июня две тысячи тридцать второго года.

– Полтора года назад, – негромко сказала Агнешка.

– Да, – подтвердил Уильям. – Полтора года назад. Честно сказать, сам не понимаю, зачем я сохранил это письмо.

– Я бы удалил, – сказал Ёсикава. – Сумасшедших действительно хватает. А уж если речь заходит об инопланетянах... – он покачал головой. – Вы, разумеется, не ответили?

– Разумеется.

– Три слова, которые повторяются четырежды, – сказала Агнешка и включила запись.

– Джа-аа. Зре-уут. Го-от, – раздалось из динамиков. – Джа-аа. Зре-уут. Го-от. Джа-аа. Зре-уут. Го-от. Джа-аа. Зре-уут. Го-от.

Агнешка выключила запись.

– Три слова, – сказала она. – Четыре раза. Место передачи – спутник Юпитера Каллисто.

– Нас уговаривать не нужно, – сказал Ёсикава. – Скажите, Уильям, этот ваш корреспондент, как его, простите...

– Кевин Харпер, – Уильям бросил взгляд на экран.

– Кевин Харпер. С ним можно как-то связаться помимо электронной почты? Телефон он оставил?

– Есть номер телефона, – подтвердил Уильям.

– Тогда звоните. Чем скорее мы с этим всем разберёмся, тем лучше.

– В Чикаго сейчас... – начала Агнешка.

– На час раньше, – сказал профессор Уильям Гилеви. – Поздновато, конечно, но... Чего не сделаешь ради установления истины. Окей, звоню.

Он поставил комм-браслет на громкую связь, набрал номер. Раздались длинные гудки.

– Алло, – произнёс молодой женский голос. – Кто это?

– Здравствуйте. Меня зовут Уильям Гилеви. Я могу услышать Кевина Харпера?

– Нет, не можете.

– А...

– Он умер. В прошлом году.

– Ох... мои соболезнования. Как это печально. А...

– Я его дочь Джейн. Подождите, вы сказали Уильям Гилеви? Радиоастроном?

– Он самый.

На другом конце линии связи замолчали.

– Отец вашего звонка очень ждал, – наконец, произнесла невидимая Джейн. – Он даже меня заставил поверить, что вы позвоните.

– Мне очень жаль, – сказал Уильям. – Понимаете, я...

– Не нужно ничего объяснять, – прервала его Джейн. – Всё, в общем, ясно-понятно. Занятый серьёзными делами известный учёный, радиоастроном, профессор и какой-то очередной сумасшедший. Мало ли таких. Лучше держаться от них подальше. Скажете, не так?

Агнешка подумала, что девушка там, в штате Иллинойс, явно обижена. Причина обиды тоже понятна. Но помешает ли им эта чужая обида узнать то, что они хотят узнать? Вот, в чём вопрос.

– Не скажу, – неожиданно жёстким тоном произнёс Уильям. – Всё действительно так и обстоит. Сумасшедших, действительно, хватает. В отличие от учёных. Но дело не в этом. Дело в том, что я не стёр письмо вашего отца и теперь звоню. И, уж если на то пошло, не чувствую за собой ни малейшей вины. Я и мои коллеги, которые сейчас присутствуют при разговоре, очень вам сочувствуем, поверьте. Но мы не виноваты в смерти вашего отца. От чего он умер?

– Автокатастрофа, – сказала Джейн. – Скользящая дорога, ночь, поворот... Он всегда любил быструю езду. Слишком любил.

– Ещё раз примите наши соболезнования.

– Принимаю, спасибо, – голос девушки окреп. – Простите, я, вероятно, была слишком резка. Вы сказали, что не один сейчас? Наш разговор слушают?

– Не один, – подтвердил Гилеви. – Со мной научный сотрудник Агнесса Калиновская и директор радиотелескопа ALMA господин Ёсикава Хироси. Собственно, я звоню и по их инициативе. Мы сейчас находимся в Центре управления радиотелескопом. Если хотите, могу включить камеру, чтобы вы нас увидели.

– Да, было бы неплохо.

Уильям включил камеру и панорамный обзор:

– Позвольте вам представить. Это наш директор Ёсикава Хироси, он всем здесь командует.

Ёсикава церемонно поклонился.

– И Агнесса Калиновская, наш молодой и прекрасный во всех отношениях научный сотрудник.

– Привет! – помахала рукой Агнешка.

– Привет, – сказала Джейн. – А это я.

На экране появилось симпатичное лицо молодой, лет двадцати с небольшим, веснушчатой девушки с тёмно-русыми, слегка растрёпанными волосами.

– Очень приятно, – сказал Уильям. – Вот и познакоми-

лись. Скажите, Джейн, я правильно понимаю, что вам известно содержание письма, которое послал мне ваш отец?

– Правильно. Более того, как я понимаю, просто так вы бы звонить не стали. Сейчас у нас заканчивается две тысячи тридцать третий год. Следующий, тридцать четвёртый – год Великого противостояния с Юпитером. Спрошу прямо. Вы получили тот же сигнал, о котором писал отец?

Уильям и Ёсикава переглянулись. Директор едва заметно наклонил голову.

– Ваша смекалка делает вам честь, – сказал Уильям. – Мы не знаем. – Для этого нам нужно его услышать.

– Я могу включить его вам прямо сейчас, если хотите, – просто сказала Джейн. – Буду откровенна, вся эта история мне порядком надоела. Слишком давно с ней живу. Пора её заканчивать, так или иначе.

– Понимаю, – сказал Уильям. – И – да, мы хотим. Включите, если вам не трудно. Прямо сейчас.

– Минутку.

Девушка исчезла с экрана, и некоторое время они наблюдали стену, на которой висела в рамке какая-то плохо различимая фотография.

– Вот, – сказала Джейн. – Слушайте.

Раздался шорох, едва слышный треск и вдруг уже хорошо им знакомый высокий голос напевно произнёс:

– Джа-аа. Зре-уут. Го-от. Джа-аа. Зре-уут. Го-от. Джа-аа. Зре-уут. Го-от. Джа-аа. Зре-уут. Го-от.

Четыре раза.

Если бы Олега Чернея спросили, насколько хорошо ему известен межпланетный корабль «Россия», он бы или рассмеялся, или пожал плечами. В зависимости от того, кто задал вопрос. Товарищ, друг, родственник или коллега – рассмеялся. Официальное лицо – пожал плечами. Потому что корабль Олег знал досконально. На «ять». Как свои пять пальцев. Знал и любил.

А как иначе?

Если ты провёл на орбите без малого два года, занимаясь сборкой и отладкой самого корабля и всех его систем, то тут уж одно из двух: либо ты его полюбишь, либо возненавидишь. Олег любил. Да что говорить, – он полюбил корабль ещё на стадии проектирования и сделал всё от него зависящее, чтобы когда-нибудь иметь честь пилотировать это чудо. Благо, задел имелся, – Олега приняли в отряд космонавтов довольно рано, ему и двадцати пяти не исполнилось, и до проекта МПК «Россия» он успел дважды слетать на МКС в составе международных экспедиций. Причём слетать надолго – так, чтобы вполне освоить и навыки выхода в открытый космос с ремонтом старого и установкой нового оборудования, и многое другое, без чего его мечта о межпланетных полётах так и осталась бы мечтой.

Олег старался. Перефразируя некогда широко известные, а ныне плотно забытые слова Владимира Ленина, которые

часто почему-то приписывают Александру Суворову, «учился космическому делу настоящим образом». Не давая себе поблажек, с твёрдым осознанием цели. И всё получилось.

Межпланетный пилотируемый корабль «Россия» родился из транспортно-энергетического модуля с ядерной энерго-двигательной установкой мегаваттного класса, которая питает электричеством ионные ракетные двигатели и всё остальное.

Идея была довольно старой, ещё второй половины двадцатого века, но практически воплощаться начала лет двадцать пять назад. Ценность её состояла в том, что страна, которая первой осуществила бы постройку такого космического корабля, получала бешеную, практически недостижимую фору перед остальными державами, работающими в космосе.

Скорость. Дальность. Энергетический ресурс.

Эти три составляющие нового корабля не шли ни в какое сравнение со старыми, – теми, что летали с помощью ракетных двигателей на химическом топливе.

Совершенно иные технологии.

Совершенно иные перспективы (одна только возможность долететь до Марса и вернуться обратно за два месяца вместо нескольких лет стоила любых затраченных усилий и денег, а подобных возможностей было много).

Транспортный модуль был построен, прошёл успешные рабочие испытания и начал эксплуатироваться в первой по-

ловине двадцатых годов третьего тысячелетия.

Сразу же началось техническое проектирование пилотируемого корабля. Западные и восточные коллеги только зубы крошили от зависти (некоторые и от чувств посильнее), но сделать ничего не могли. Русские поймали волну, кураж, ощущали себя на подъёме и ковали железо, пока горячо. Благо и с деньгами в стране все было в порядке. Могли себе позволить истратить и заработать ещё. На тех же новейших технологиях. Включая уникальную технологию защиты от космической радиации с помощью системы электромагнитных полей, гасящих энергию космических частиц на подлёте.

Изобретение и создание этой технологии было не менее революционным, чем создание ядерной энергетической двигательной установки, ионных двигателей и всего корабля в целом. Преодолеть сумасшедшие расстояния – это одно. Преодолеть и остаться живым и здоровым – совсем другое. КСЭЗ-2 (Космическая система электромагнитной защиты) отсекала экипаж практически от всех видов космического излучения на девяносто процентов в обычном режиме и на девяносто семь в усиленном. Причём с равным успехом ею можно было оснащать не только космические корабли, но и научно-производственные базы на Луне или Марсе, не думая о том, чтобы устраивать их в глубоких пещерах или изобретать ещё какие-нибудь громоздкие и дорогостоящие способы. Была бы энергия. Которой ядерные реакторы, подобные

ЯЭДУ, могли дать в достаточном количестве.

Ветер перемен задул по необъятной территории России сразу со всех сторон, и, следуя мудрому совету древнего философа из соседней великой страны – Конфуция, русские, на удивление всем, принялись строить не стены, как это зачастую бывало в их истории, а ветряные мельницы.

В данном случае – межпланетный пилотируемый корабль «Россия».

С ядерной электродвигательной установкой, добравшей к этому времени мощности до пятнадцати мегаватт и ионными ракетными двигателями с бешеной тягой и фантастическим удельным импульсом, которые действительно позволяли достичь большинства планет Солнечной системы за сравнительно короткий срок.

Причём, это была только верхушка айсберга, поскольку строительство такого корабля потянуло за собой развитие сопутствующих технологий и материалов; активное подключение к делу военных (космос мирный, никто не спорит, но думать о будущих угрозах мы обязаны); появление новых научно-исследовательских лабораторий; инженерно-конструкторских бюро; строительство небывалых доньше заводов и фабрик; испытательных стендов и полигонов, а также появление новых уникальных специалистов и десятков тысяч рабочих мест.

В общем, дело нашлось всем, кто захотел и смог принять в нём горячее участие.

А таковых оказалось на удивление много. Русские, порядком соскучившись по великим историческим рывкам, засучили рукава. Работа закипела так, что и подгонять никого было не нужно. Ни рублём, ни песней. Хотя рубли сыпались в карманы работников исправно, а новые песни сочинялись и пелись чуть ли не сами.

«Мы строим пилотируемый межпланетный корабль по той простой причине, что без присутствия человека космос обесмысливается, – заявил три года назад в интервью одному из крупнейших европейских информационных агентств Президент России Александр Николаевич Столяров. – Это не вопрос престижа, романтики или голой пользы. Это вопрос философский, системообразующий, корневой. Вопрос существования человека, как вида. Космического вида. Наша страна первой почувствовала это в далёком тысяча девятьсот шестьдесят первом году. И в космос полетел Юрий Гагарин. Нил Армстронг и другие великие американские астронавты подхватили эстафету, когда высадились на Луне. Затем, к сожалению, приоритеты изменились. Теперь, слава Богу, прежние цели возвращаются. Нам снова нужны другие планеты и весь космос. Мы, русские, это уже не только чувствуем, но и осознаём со всей ответственностью. Поэтому строим корабль «Россия». Когда осознают все остальные, могут подключаться. Мы с радостью поделимся своими достижениями. На взаимовыгодных условиях, разумеется».

Как только стало ясно, что окончательная сборка «Рос-

сии» будет производиться на орбите и без живых монтажников-космонавтов обойтись не получится, Олег Черней подал рапорт о зачислении.

– Куда-куда? – удивлённо задрал брови начальник Центра подготовки космонавтов Пётр Игнатьевич Ригерт, когда он лично вручил ему бумагу в его же кабинете.

– В команду монтажников, а затем испытателей межпланетного корабля «Россия», – чётко ответил Олег. – Прошу зачислить. А то знаю я, как это бывает. Не успеешь пятьдесят грамм выпить, а места уже заняты.

– С пьянством мы боремся... – машинально ответил начальник, не отрывая глаз от рапорта. – Что? Тьфу на тебя, при чём здесь пятьдесят грамм?!

– Шутка, – пояснил Олег. – Вы, главное, поставьте положительную резолюцию, а дальше я сам.

– Упёртый, да? – поднял на Олега глаза начальник.

– Ага, – согласился тот. – Вы же знаете.

– Что с тобой делать, – вздохнул Пётр Игнатьевич. – Может, ты и прав. Эх, будь я помоложе...

Он опять вздохнул, подумал, затем стремительно черкнул на рапорте «Не возражаю», расписался, поставил печать и протянул бумагу Олегу:

– Файл мне послал?

– Обижаете. Проверьте.

Начальник проверил:

– Ага, вижу. Молодец. Тогда удачи.

– Спасибо.

Как показали дальнейшие события, Олег, действительно, оказался прав. Вероятно, сработали сразу несколько факторов: его личная инициатива, его же безупречный послужной список, положительная резолюция начальника Центра подготовки и фортуна. Последняя, впрочем, часто становится на сторону человека, умеющего вовремя приманить её смелостью, решительностью и, главное, верой. В её, фортуны, правильный выбор и непогрешимость.

Так и случилось, что, когда дошло до дела, лётчик-космонавт России Олег Геннадиевич Черней (тридцать один год, холост, не был, не состоял, не участвовал, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» IV и III степени) оказался одним из первых в списке возможных кандидатов. Дальше всё зависело только от него, и он не упустил свой шанс.

В наушнике негромко пискнуло. И тут же мягкий женский голос произнёс:

– Олег, рубка на связи.

Голос принадлежал ИИ Василиса – искусственному интеллекту, созданному специально для задач МПК «Россия» на базе квантового бортового компьютера последнего поколения. Тоже созданного специально для «России». Русские монтажники немедленно дали уникальному продукту IT-технологий кличку Василиса (по аналогии с персонажем русских сказок Василисой Премудрой), которая – кто бы сомневался! – прилипла намертво и со временем превратилась

в имя.

Что касается рубки, то изначально, ещё в чертежах, она называлась ЦПУ – центральный пункт управления, по аналогии с ЦПУ Международной космической станции. Однако по мере того, как корабль рос, официальное название постепенно исчезло из употребления и превратилось сначала в «рубка управления», а затем, когда некто из высокого начальства ворчливо заметил, что «такое название предполагает наличие и какой-то другой рубки, например, боевой», стало просто «рубка».

Кое-кто, охваченный военно-морским энтузиазмом, попытался пойти дальше и внедрить такие древние и специфические термины, как «бак», «ют», «шкафут» и некоторые другие, но был вовремя остановлен и подвергнут суровой, но справедливой товарищеской критике. Так что передняя часть корабля без затей называлась «носом», задняя – «кормой», а центральная – «миделем».

Олег докрутил винт на четверть оборота (он был занят установкой дополнительного оборудования на носу корабля), аккуратно оставил отвёртку плавать в воздухе (по инструкции её нужно было закрепить в специальном гнезде на монтажном поясе, но инструкциям досконально следуют только салаги), коснулся пальцем уха:

– На связи Черней.

– Олег, это Лёха, – раздался в наушнике бодрый голос. – Ты как там, не устал ещё?

Алексей Соболев, он же Лёха, считался лучшим в бригаде космических монтажников и любил при случае потрепаться на отвлечённые темы. Впрочем, без фанатизма.

– А что, девчонки с пивом уже прибыли?

– Какие девчонки?

Потрепаться Лёха любил, но разыграть его ничего не стоило – доверчив был до невозможности, характер такой.

– Как это – какие? Ну ты даёшь. Девчонки. Не слышал разве? ЦУП принял решение прислать нам девчонок и пива. В целях улучшения релаксации и дальнейшего неуклонного повышения производительности труда.

– Да ну тебя, – сказал Лёха. – Я серьёзно.

– Ты серьёзно спрашиваешь, не устал ли я? – с неприкрытой иронией осведомился Олег.

– Ну прости, шутка не удалась. Я вообще-то удивить тебя хотел. Ты ведь новости за последний час наверняка не видел?

– Наверняка, – сказал Олег. – Я вообще новости предпочитаю выборочные. Что-то достойное моего интереса?

– Дальше некуда, – сказал Лёха. – Просто офигеть можно. В прямом смысле слова.

– Неужто инопланетяне высадились? – пошутил Олег.

– Можно сказать, и так.

– Слушай, на борту нет спиртного, я точно знаю.

– Вот тут ты ошибаешься. Как и насчёт инопланетян. Говорю же, посмотри новости, если мне не веришь. Всё, мне пора, до связи. И запомни – про спиртное я тебе ничего не

говорил.

Лёха отключился.

Олег подумал секунду и позвал:

– Василиса!

– Я здесь, – сообщил женский голос.

– Про спиртное слышала?

– Я всё слышу, вы же знаете.

– Сто раз тебе говорил, чтобы ты обращалась ко мне на «ТЫ».

– Не могу, субординация не позволяет.

– Хорошо, об этом потом. А пока сотри из памяти этот кусок насчёт спиртного.

– С вашего позволения, я его закодирую и спрячу.

– Комиссия найдёт. И будет нам пистон. Большой и красивый.

– Не понимаю фразеологизма.

– Как-нибудь поясню. Не спорь, ладно? Я твоё предложение выслушал, но приказ человека – закон. Сказал – сотри, значит, сотри.

– Будет исполнено, – Олегу показалось, что голос Василисы поскуучнел.

Антропоморфизм – наше всё, подумал он, а вслух произнёс:

– Покажи-ка мне последние новости с Земли. Что там произошло? Монтажник Алексей Соболев меня заинтриговал.

– Слушаюсь. Пересылаю на ваш комм-браслет. Готово.

– Спасибо, – Олег включил комм-браслет.

Мигнул и засиял вирт-экран с любимой заставкой – роскошная темноволосая девушка в смелом купальнике выходит из морского прибоя на песчаный пляж. Улыбается. Капли воды блестят на загорелой коже. Над девушкой и за ней – бездонное синее небо с редкими невесомыми облачками и ровный, словно вычерченный по линейке горизонт с одиноким белым парусом.

Олег нашёл сообщение от Василисы, активировал. На экране возник знакомый диктор ведущего российского телеканала. Моложавый, подтянутый, с хорошо поставленным голосом.

– Внимание, – произнёс он значительно. – Мы прерываем наши передачи для срочного сообщения. Восемь часов назад международной радиотелескоп ALMA, расположенный в пустыне Акатама, Чили, поймал радиосигнал неизвестного происхождения. Расчёты показали, что сигнал пришёл с естественного спутника Юпитера Каллисто. Сигнал, переданный на волнах дециметрового диапазона на частоте две целых восемьдесят семь сотых гигагерц повторялся неоднократно с равными промежутками, пока его источник вместе со спутником не ушёл в зону радиомолчания. Как утверждают специалисты, с вероятностью в девяносто девять и четыре десятых процента это сигнал искусственного происхождения. Повторяем. С вероятностью девяносто девять и четы-

ре десятых процента, полученный радиосигнал имеет искусственное происхождение. Более того, с той же высокой вероятностью, он является сигналом бедствия, наподобие наших сигналов SOS или Mayday. Сейчас вы сами услышите этот сигнал.

Диктор умолк.

Едва слышное шипение. Треск. Даже, вроде бы, лёгкий шорох. И вдруг, в уши и в самое сердце ворвался тревожный высокий голос:

– Джа-аа. Зре-уут. Го-от. Джа-аа. Зре-уут. Го-от. Джа-аа. Зре-уут. Го-от. Джа-аа. Зре-уут. Го-от.

О том, что Земля поймала инопланетный радиосигнал, Президент России Столяров Александр Николаевич узнал во время встречи с рабочими и руководством только что построенного и пущенного крупного завода по производству нового строительного материала – пластмонолита – в Московской области.

На первый взгляд может показаться, что событие мелко-вато, чтобы удостоится внимания главы государства, но у Александра Николаевича были свои резоны. Пластмонолит был изобретён в России, позволял многократно снизить затраты в жилищном и любом другом строительстве, и следовало показать соотечественникам и всему миру, насколько президент страны ценит его внедрение в массовое производство.

Он как раз осматривал автоматическую формовочную линию, способную выдавать до двухсот пятидесяти кубических метров суперматериала в час, когда его пресс-секретарь Галина Викторовна Гарбич (пятьдесят восемь лет; бабушка двоих внуков; безупречная фигура, хватка и память; железный характер) отошла в сторону, внимательнейшим образом выслушала некое сообщение по комм-браслету (он заметил краем глаза, как привык всё замечать за годы своего президентства, иначе на его работе просто нельзя, если, конечно, хочешь работать по-настоящему, а не отбывать номер), затем подумала секунду и решительным шагом направилась напрямиком к нему.

Ага, подумал Александр Николаевич, что-то важное. Прощай праздничный ужин у заводчан.

Как в воду смотрел.

– Извините, – перебила Галина Викторовна главного технолога, который увлечённо и скучно расписывал достоинства формовочной линии. – На одну минуту, господин президент.

Точно, важное, подумал он. Будь иначе, обратилась бы по имени-отчеству.

Они отошли туда же, где только что Галина Викторовна читала сообщение с комм-браслета, но на несколько шагов дальше. По безупречно чистому полу, выложенному приятной глазу плиткой из того же новейшего пластмолита.

Директор завода, главный технолог и все остальные по-

чтительно остались на месте. Включая охрану, которая на нужном месте была всегда.

– Что случилось? – негромко осведомился президент.

– Вы не поверите, – сказала Галина Викторовна. – Но это правда.

– Опять неприятности, – констатировал он.

– Как сказать... Только что мне сообщили, что ученые поймали инопланетный сигнал разумного происхождения. Радиотелескоп ALMA, крупнейший в мире. Расположен в Чили, высоко в горах. Предположительно, это сигнал о помощи. Пришёл с Каллисто, спутника Юпитера.

Президент молчал около трёх секунд, затем сказал:

– Повторите, пожалуйста, Галина Викторовна.

Она повторила. Уточнила, что это был радиосигнал, назвала частоту.

– Это не может быть уткой? – спросил президент. – Или, как говорили лет десять-пятнадцать назад, фейком?

– Источник абсолютно надёжен, – сказала пресс-секретарь. – Информация получена от нашего человека, который там работает. В шутках и розыгрышах не замечен. Во всяком случае, по отношению к нам.

– В каком смысле – нашего?

– Во всех, – коротко ответила Галина Викторовна.

– Ясно, – кивнул Александр Николаевич. – Спасибо. Да, о неприятностях, пожалуй, говорить рано, но то, что у нас проблемы – это точно. Скорее всего, довольно серьёзные.

– Даже спорить не стану, – сказала Галина Викторовна. – Завершаем встречу?

– Да, пожалуй. Подозреваю, события сейчас полетят вскачь.

– Понесутся, – поправила пресс-секретарь. – Или помчатся.

– Что?

– Я говорю, понесутся вскачь. А если полетят, то стрелой.

– По-вашему, кони не могут летать? – язвительно осведомился президент.

– Если конь не Пегас – нет, – отрезала Галина Викторовна.

– А птица-тройка Гоголя? – вкрадчиво спросил Александр Николаевич.

– Да, – согласилась пресс-секретарь. – Но она у Гоголя именно несётся. Точнее, не она, а Россия, которую писатель с птицей-тройкой сравнивает.

– Как же с вами иногда трудно бывает, Галина Викторовна, сил нет, – вздохнул президент.

– Извините.

– Да ничего, это я так. Несутся так несутся, благодарение Богу я не писатель и, уж, тем более, не поэт. Так вот, мы должны эти несущиеся события опередить и заранее принять верные решения. Догадываетесь, почему?

– «Россия», – сказала пресс-секретарь. – Я имею в виду наш межпланетный корабль. Нашу птицу-тройку.

Президент засмеялся.

Галина Викторовна улыбнулась.

Директор, главный технолог и все остальные тоже улыбнулись. На всякий случай.

– Именно так, – довольно кивнул президент и бодро направился к поджидающей их группе заводчан. Он уже знал, что им скажет и как будет действовать дальше.

Глава третья

После того, как средства массовой информации разнесли новость о радиосигнале с Каллисто по всем уголкам Земли, мировое сообщество взволновалось не на шутку.

Каждый, кто участвовал в горячих сетевых осуждениях или просто читал-смотрел-слушал новости о «сигнале с Каллисто» (The signal from Callisto или просто TSFC) понимал и чувствовал, что эта новость не просто его будоражит. Она его меняет. Вместе со всем окружающим миром.

Неделя прошла, а человечество и не думало успокаиваться. Теле и радиоэфир, интернет-издания, соцсети и даже редкие теперь бумажные газеты были на восемьдесят процентов – это по самой осторожной оценке! – наполнены бесконечными обсуждениями одних и тех же вопросов.

Кто или что скрывается на Каллисто, и откуда оно взялось?

Передачу ведёт автоматическое устройство, или там есть живые существа?

Если это действительно сигнал бедствия, то каким образом Земля может помочь предполагаемым братьям по разуму?

И еще с десятков других, которые в той или иной степени являлись вариациями этих.

Известные и не очень астрономы, космологи, планетоло-

ги, радиопизики, радиоастрономы, биологи, специалисты по поиску внеземной жизни и лингвисты шли нарасхват и уже начали прятаться от вездесущих мастеров ежедневного эфира. Однако далеко спрятаться не удавалось. Народ жаждал квалифицированных ответов и таких же мнений.

Неквалифицированных он тоже жаждал, но эта жажда легко утолялась чтением сетевой болтовни «диванных экспертов» – людей, имеющих своё веское мнение по любому поводу и не стесняющихся бойко его высказывать на весь белый свет.

С квалифицированным было сложнее.

Мало найти и уговорить по-настоящему знающего и толкового человека, учёного оное мнение высказать во всеуслышание. Надо ещё понять и принять, что он говорит. Второе – особенно. Потому что, в отличие от сетевых «диванных экспертов» и прочей интернет-шелупони, настоящему учёному плевать на отношение к его мнению обывателя. Его истина интересует.

Как бы то ни было, неутрахающая информацияная жажда мирового обывателя худо-бедно утолялась.

Касаемо первого вопроса, почти весь учёный люд склонялся к гипотезе, что чужих занесло в нашу Солнечную систему откуда-то извне.

– Скорее всего, пришельцы прибыли с одной из планет земного типа, каких довольно много в нашей Галактике, – с явным удовольствием вещал в интернет-студии одного из

самых известных видеоблогеров мира Тома О'Райли (аудитория – полтора миллиарда зрителей) восьмидесятидвухлетний израильский ученый-астроном, астрофизик и по совместительству писатель-фантаст Даниэль Златопольский. – К примеру, из системы звезды Росс 128, которая находится от Солнца на расстоянии одиннадцати световых лет или даже с Проксима Центавра, что всего-то в четырех с хвостиком световых годах от нас. Хотя последнее вряд ли, там вспышки грандиозные зафиксированы были неоднократно, ничто живое не уцелеет при таком излучении... Но я отвлёкся и, повторяю, это не столь важно. Важно, по-настоящему важно, что они потерпели крушение на Каллисто и сумели послать сигнал, который мы поймали. Это величайшее событие в истории человечества, и я ни на йоту не преувеличиваю!

Даниэль Израйевич Златопольский получил образование и стал учёным и писателем ещё в стране-легенде – Советском Союзе. Он был давно на пенсии, но активности не утратил и охотно давал интервью всем, кто хорошо попросит (ещё лучше – заплатит). Терять ему было нечего – его защищали почтенный возраст, отменное чувство юмора, любовь к жизни, отсутствие текущей научной деятельности (публицистика – не в счёт) и гордое звание писателя-фантаста. К тому же Даниэль Израйевич любил поболтать, дорожил вниманием к собственно персоне и пользовался авторитетом как в научных кругах – за прежние, весьма серьёзные, заслуги – так и в читательских (некоторые его фантастические романы поль-

зовались успехом и переиздавались до сих пор, хотя написаны были ещё в конце двадцатого века).

– Вы говорите – крушение... – цеплялся за эмоциональное слово Том О’Райли.

– Крушение, авария, катастрофа, отказ всех систем, – подхватывал Златопольский. – Назовите, как хотите. И – да, я настаиваю, что имело место крушение. Иначе, откуда бы взялся сигнал бедствия? А в том, что это именно сигнал бедствия и одновременно просьба, вызывание о помощи, лично у меня нет ни малейших сомнений. Но, конечно же, сигнал подаёт автомат. История с первым приёмом TSFC служащим городской радиостанций Чикаго Куртом Шпильманом двадцать шестого апреля одна тысяча девятьсот двадцать седьмого года лишь подтверждает сей факт. Запись та же самая, это доказано. Что не исключает теоретической возможности выживания инопланетных – я бы даже сказал инозвёздных! – астронавтов на Каллисто в течение очень длительного времени.

– Насколько известно, на Каллисто нет атмосферы...

– Молодой человек! – с энтузиазмом перебивал интервьюера старый учёный и писатель-фантаст (О’Райли мысленно потирал руки – манера Златопольского вести беседу превосходила его ожидания). – Если вы не хотите выглядеть невеждой, то к эфиру нужно готовиться тщательнее. На Каллисто есть атмосфера, пусть и очень-очень слабая. И в этой атмосфере есть молекулярный кислород и углекислый газ! Мало

того, в процентном отношении первого гораздо больше, если, конечно, отталкиваться от имеющихся у нас на сегодня научных данных. В любом случае на Каллисто очень много водяного льда. Есть даже вполне обоснованная гипотеза о наличии там целого подземного океана! А там, где есть вода, добыть кислород ничего не стоит. В особенности для тех, кто сумел преодолеть межзвёздные расстояния, чтобы добраться до Солнечной системы. Опять же, вода и кислород необходимы лишь белковой форме жизни.

– Вы хотите сказать, что пришельцы могут к ней не относиться?

– Я хочу сказать, что мы не знаем. Может, да, может, нет. Членораздельной речью вполне могут владеть и существа, чья жизненная основа не углерод, а, к примеру, кремний. Не вижу этому принципиальных препятствий.

– Хорошо, допустим. Допустим, они каким-то чудом жили...

– Или их потомки! – незамедлительно вставлял свои полшекеля Даниэль Израйлевич.

– Или потомки, – соглашался Том. – Но не значит ли это, что Земля должна прийти на помощь? В любом случае?

– Именно! – восклицал Златопольский. – Именно должна! Сигналы SOS и Mayday не просто так были придуманы. Гуманизм, желание спасти живое разумное существо, попавшее в беду, заложено в самой природе человека. Изначально! Поэтому, что бы ни говорили те, кто видит в таком подходе

угрозу для всех нас, я настаиваю – экспедиция на Каллисто необходима. В конце концов, речь идёт не только о спасении братьев по разуму, что само по себе не имеет цены. Речь идёт о первом в человеческой истории контакте с иным разумом – грандиозном событии, о котором мы всегда мечтали! И я даже знаю, кто может организовать и провести такую экспедицию.

– Кто?

– Русские, конечно! Вы наверняка знаете, что Россия строит на земной орбите межпланетный пилотируемый корабль с ядерной электродвигательной установкой мощностью в пятнадцать мегаватт и ионными двигателями последнего поколения?

– МПК «Россия», – кивал Том О' Рэйли, не заглядывая в поисковик и тем самым демонстрируя компетентность. – Разумеется. Вы считаете, русские согласятся отдать... хорошо, – предоставить. Предоставить свою уникальную разработку для такой экспедиции? Насколько я знаю, у них другие планы.

– Планы всегда можно поменять, – замечал Даниэль Израилиевич, добродушно шевеля переплетёнными на животе пальцами. – Особенно, если об этом попросит мировое сообщество. Вежливо, со всем уважением и очень весомыми аргументами.

– Что вы называете весомыми аргументами? – немедленно сделал охотничью стойку Том О'Рэйли. – Кроме тех, что

здесь уже были приведены?

– Деньги, разумеется. Экспедиция к Каллисто, даже при наличии корабля, – это очень и очень дорогостоящее мероприятие. Рискну предположить, что русские не захотят снимать последние штаны, дабы показать всему миру, какие они отзывчивые и гуманные. Извините, если у кого-то возникли иные ассоциации, хе-хе. Поэтому мир должен им помочь. Не скажу, о какой точно сумме речь, но это в любом случае сотни миллионов. И не долларов, евро или юаней. Рублей! Полновесных, обеспеченных надёжными мегаваттами всей мощной русской энергетики, рублей. Но, повторю, одна Россия не потянет. Да и не нужно это никому, если подумать. Из множества соображений. Так что экспедиция на Каллисто – дело всего человечества, и участвовать должны все. От самой богатой и могущественной финансовой и производственной элиты мира, до обычной домохозяйки. Да не обидятся на меня ни первые, ни вторая.

– Подождите, – очень натурально изумлялся видеоблогер. – Я правильно понимаю, что вы предлагаете... э-э... сбор средств?

– Народный сбор средств, – со значением поднимал вверх палец Даниэль Израйлевич. – Народный! Вы человек молодой, а я родился и вырос в великой и легендарной стране под названием Советский Союз. Когда моя страна воевала с фашизмом, пока кое-кто смотрел, чья возьмёт и думал, открывать второй фронт или нет, в СССР был создан Фонд

обороны, который пополнялся исключительно за счет личных средств граждан. Семнадцать миллиардов рублей! Тысячи самолётов и танков были построены на эти деньги! Я знаю, потому что один мой дед перечислял туда половину своей зарплаты, пока второй воевал на фронте... Впрочем, кажется я увлёкся и ушёл несколько в сторону от темы нашей беседы. Но мысль мою, уверен, вы поняли. Это всенародное дело! И под народом я подразумеваю народ Земли. Ни больше, ни меньше.

– Вот же сукин сын, – с оттенком восхищения пробормотал Президент России Александр Николаевич Столяров.

Ему посоветовала посмотреть именно это интервью из множества других его пресс-секретарь Галина Викторовна Гарбич. «Дабы, – как она выразилась, – получить наиболее актуализированное мнение. Этому старому умному еврею терять нечего, поэтому он говорит, что думает. И вообще фонтанирует идеями. Причём, как мне кажется, фонтанирует в правильном направлении. Хотя, конечно же, решайте сами».

И вышла, оставив Президента одного в кабинете.

Президент досмотрел и выключил запись. Последние минут пять, на его взгляд, были лишними, но он привык доводить до конца любое дело, за которое брался, и потому всё-таки досмотрел.

Упомянутая привычка многократно выручала его в жиз-

ни. Чем бы он ни занимался. Включая эту последнюю работу – Президентом России.

Он встал, вышел из-за стола. С хрустом потянулся. Подошёл к окну, отодвинул светлую полупрозрачную занавеску. Его взору предстала Сенатская площадь и двухэтажное здание Арсенала с французскими пушками у фасада – трофеями Отечественной войны тысяча восемьсот двенадцатого года.

Сегодня было одиннадцатое ноября две тысячи тридцать третьего года, пятница. Московское небо затянуло хмарью. Дождь, как обещали синоптики, должен был начаться в течение часа.

Президент полюбовался пушками (почему-то их вид всегда его успокаивал и внушал уверенность), задвинул штору, повернулся спиной к окну, заложил руки за спину.

Сейчас бы трубку выкурить, подумал он и тут же весело хмыкнул. Нет, пожалуй, не станем косплеить Иосифа Виссарионовича. Да и курить я, слава Богу, бросил давным-давно.

Всё так же, с заложенными за спиной руками, он прошёлся по кабинету. Ковёр безукоризненно гасил звук шагов. Две висячие люстры заливали кабинет мягким тёплым бестеневым светом. За стеклом в шкафах из морёного дуба торжественно поблёскивали золочёным шрифтом корешки прекрасно изданных книг – в основном, исторических и словарей. Тишина. Но это не тишина покоя, а тишина ожидания. Какой уж тут покой...

Он остановился, сложил руки на груди, склонил в задумчивости уже начавшую сесть голову.

И тем не менее. Что бы решили в подобной ситуации его предшественники? Тот же Иосиф Виссарионович. Не потому, что тиран и диктатор, а потому, что глава и лидер одного из сильнейших государств мира, обладающий беспредельной властью и почти беспредельными ресурсами. А также безоговорочной поддержкой всего советского народа.

Его, Столярова Александра Николаевича, власть отнюдь не беспредельная (и очень хорошо, в другие времена живём), но вот ресурсов не меньше, чем было у Сталина. Пожалуй, даже поболее с учётом энергетической мощи и современных технологий. Иное дело, как этими ресурсами распорядиться. Про поддержку людей разговор отдельный, хотя высокий личный рейтинг, вроде бы, обеспечивает её в должной мере...

Погоди, сказал он себе. Кончай ходить кругами. Ты ведь на самом деле уже принял решение, когда подписал указ о строительстве этого корабля. Самое главное – корабль, пилотируемый корабль, способный достичь отдалённых уголков Солнечной системы, построен. Или почти построен – детали и сроки можно уточнить прямо сейчас.

Так уточни, сказал он себе.

И уточню.

Он вернулся к столу, сел, выбрал нужную кнопку на коммутаторе, ткнул пальцем. Можно было связаться по лично-

му комм-браслету или иначе, но президент в подобных случаях предпочитал старую добрую правительственную телефонную связь. По проводам. Как утверждали специалисты, которым он доверял, такая связь была гарантированно защищена от любой прослушки. Включая самую технологичную. По степени защиты с ней могла сравниться разве что связь, основанная на квантовой запутанности, но последняя не была ещё, как следует, отработана и налажена.

Один гудок, второй, третий...

– Огнев на проводе, – прозвучал из динамика чёткий, немного глуховатый баритон генерального директора «Роскосмоса».

– Здравствуй, Игорь Максимович.

– Здравствуйте, господин президент!

– Без чинов.

– Слушаю тебя, Александр Николаевич.

– Вопрос у меня. Вернее, несколько.

Президент умолк. Глава «Роскосмоса» ждал.

Молодец, подумал президент. Наверняка сразу понял, зачем я звоню, но не стремится свою догадливость показать, ждёт. Истинный государственный муж. Хоть и прохиндей, конечно, каких поискать. Ладно, не прохиндей. Но ловок. Умеет и рыбку съесть, и об ёлку не уколоться. Впрочем, так и надо. Другие у нас не держатся. Главное, чтобы дело делал. А он делает.

– Скажи, пожалуйста, что у тебя по плану со строитель-

ством нашего межпланетного корабля?

– «России»?

– А что, есть другой?

– Извини, машинально выскочило. По плану сдача через три недели. Собственно, он уже почти совсем готов. Сейчас заканчивается монтаж и тестирование оборудования. Потом – лётные испытания, шесть месяцев. Потом – Марс.

– Ага, значит, я правильно помню. Скажи, а насколько можно сократить лётные испытания?

– Так, – сказал глава «Роскосмоса» таким голосом, будто только что догадался об истинной цели звонка. – Хочешь на Каллисто «Россию» отправить.

– Только корабль, – сказал президент.

– Утешил, – предсказуемо, но всё-таки не слишком льстиво засмеялся генеральный. И уже другим голосом осведомился:

– Начистоту?

– Конечно. Мне вранья и так хватает по самое не могу.

– Я против, Саш.

Они были знакомы ещё с институтских времён, вместе играли в одном студенческом театре, хотя и учились на разных курсах (президент был старше) и факультетах. Дружбой их отношения назвать было нельзя. Тем не менее, генеральный директор «Роскосмоса», при всем своем умении лавировать в традиционно сложной политико-экономической повседневности государства российского и вести тонкую за-

кулисную игру, мог иногда себе позволить высказаться главе государства открыто. Даром, что президент только что сам разрешил. Разрешить-то он разрешил, но только дурак воспринимает подобное разрешение, как руководство к действию. Умный поступает ровно наоборот. А вот он взял и поступил мудро – использовал старый добрый товарищеский ресурс доверия.

– Аргументы? Только по возможности коротко, Игорь.

– Ты же инженер, должен понимать. Нельзя запускать в серьёзную эксплуатацию изделие, которое не прошло весь положенный технологический цикл испытаний.

– Понимаю. При этом я также понимаю, что это не абсолютно новое изделие. Его прототипы активно эксплуатируются в космосе уже десять лет.

– Беспилотные прототипы! – воскликнул генеральный директор. – Не говоря уже о том, что размеры, мощность двигателей и реактора у них совсем другие! Это... не знаю... как сравнить беспилотную уменьшенную модель гоночного автомобиля с настоящим болидом.

– Не преувеличивай, – поморщился президент России. – Модель, тоже мне, сравнил... Наши ядерные космические буксиры за десять лет эксплуатации доказали свою полную надёжность. Иначе мы не взялись бы за создание пилотируемого корабля. И я уверен в полном успехе этого проекта. Твои слова, между прочим, не мои. И мы тебе поверили, выделили финансирование.

«Ага, выделили. Спасибо большое. А теперь хотите угробить и корабль, и экипаж. Ради сомнительных политических интересов», – хотел сказать генеральный директор «Роскосмоса». Но не сказал. Откровенность откровенностью, но меру знать надо. И ему эта мера была известна очень хорошо.

– Три месяца, – признался он. – И ещё две недели на допмонтаж и тестирование оборудования. Это самый край, меньше никак.

– Нормально, – сказал президент. – Три месяца – это нормально.

– Слушай, – решился на вопрос генеральный. – Откровенность за откровенность. Что за спешка, а? Великое protivостояние Юпитера только в следующем году. Мы нормально успеваем, даже если спокойно проведём все испытания в запланированные сроки. Или ты действительно веришь, что там, на Каллисто, есть кто-то живой? Ерунда же, Саш. Автомат сигналы подаёт, готов поставить своё месячное жалование против рубля...

– А годовое? – перебил президент России. – Годовое против рубля поставишь?

Генеральный промолчал.

– То-то, – сказал президент. – Но дело даже не в инопланетянах. Хоть живых, хоть мёртвых. Бог с ними. Ты-то должен понимать! У России есть хороший шанс показать, что она – самая гуманная страна в мире. И вообще, лучшая. Не каким-то там политикам, а всему человечеству, людям доб-

рой воли, извини за терминологию. И мы покажем. Ты сказал «спокойно» – вот ключевое слово. А я не хочу спокойно. Пусть будет напряжённо! Пусть весь мир, затаив дыхание, следит за тем, как мы идём к цели! Напрягая все силы! Понимаешь, о чём я? Пусть, суки, песни о нас слагают!

– Как в сорок первом-сорок пятом, хочешь сказать?

– Да! Как в сорок первом-сорок пятом. Это невероятно важно, поверь. И кстати, я вовсе не призываю тебя к бездумному риску. Все технологии должны быть выдержаны. Просто в более сжатые сроки. Это называется интенсивность. Далее. Если ты мне завтра скажешь, что до Юпитера всё-таки слишком далеко, риск непомерно велик, и ты не готов меня поддержать, я отменю своё решение. И даже не сниму тебя с должности. Всё пойдёт по заранее утверждённому плану. Но когда меня будут спрашивать, отчего Россия проявила такую осторожность, если не сказать трусость, когда весь мир ждал от неё отваги, я сошлюсь на твоё авторитетное мнение.

– Вот так, да? – горько осведомился генеральный. – Хитро придумал.

– А как ты хотел? – удивился Александр Николаевич. – В конце концов, ты за корабль отвечаешь. Тебе и решать. И ещё.

– О господи... – пробормотал Игорь Максимович.

– Это не больно, – успокоил президент. – Экипаж, думаю, будет международным. И это, кстати, ещё один аргумент к уменьшению лимита времени на испытания. Такой экипаж

нужно как следует подготовить, не мне тебе объяснять. На это потребуется время.

– Э! Мы так не договаривались!

– Так мы и о полёте к Юпитеру не договаривались, – улыбнулся Александр Николаевич. – Однако я уверен, что ты уже всё решил. И даже в уме просчитал разные варианты.

– Командир корабля будет наш, – буркнул генеральный. Он уже понял, что проиграл по всем фронтам. Оставалось только сделать всё, чтобы превратить личное поражение в общую победу. – И бортинженер с пилотом, тоже. Я на этом настаиваю.

– Сколько всего человек в экипаже?

– Оптимально – семеро. Плюс минус двое. Но я бы остановился на семерых. С учётом всего.

– Великолепная семёрка, – сказал президент. – Отлично. Надо будет запустить мем. Хотя, думаю, и без нас запустят. И очень быстро. Значит, квота для наших партнёров – четыре места. Я правильно тебя понял?

– И ни местом больше.

– Договорились. Работай, Игорь Максимович. И помни, отныне этот наш проект в высшем приоритете. Со всеми вытекающими.

– Я понял, Александр Николаевич. Спасибо.

– До связи.

– До связи.

Президент отключился. Он был доволен, – ещё ничего по-

настоящему не началось, а уже удалось сыграть на опережение. Такое в России случается нечасто. Но уж когда случается... Не скоро запряг, да скоро поехал, вспомнил он не совсем подходящую по случаю, но хорошую пословицу. Затем быстро перекрестился и негромко произнёс:

– Господи, помоги!

После чего взял чистый лист бумаги, ручку и, насвистывая, принялся набрасывать план необходимых мероприятий.

– Пятьсот девяносто миллионов девятьсот одиннадцать тысяч километров, – сообщила Агнешка. – Это расстояние между Землёй и Юпитером на первое октября будущего года. Минимальное расстояние. Меньше практически не бывает. И я должна туда попасть.

– Рехнуться можно, – сказала бабушка. – Туда – это на твой Каллисто?

Они говорили по-русски. Бабушка Агнешки была русская, москвичка. Елена Александровна Московская – так её звали, когда более полувека назад она позволила увезти себя из России в Польшу молодому, чертовски обаятельному и красивому полицейскому из Кракова Анджею Калиновскому. Тот был в Москве в командировке по обмену опытом, встретил Елену на приёме в мэрии и влюбился без памяти в «piękna Helena». Сейчас Елене Калиновской (она, как положено, взяла фамилию мужа, но веру на католическую не меняла, поскольку была и оставалась убеждённой атеисткой)

уже исполнилось семьдесят четыре года, и былой энергии и напора она ничуть не растеряла. Ну, почти. Во всяком случае, так казалось её внучке, и, самое главное, так считала она сама.

Агнешка была в семье единственным ребёнком. Она очень любила своего папу – Януша Калиновского и маму – Ирину. Но по важнейшим решениям в своей жизни всегда советовалась с бабушкой Леной. Возможно, потому, что были они во многом похожи – и характерами, и внешне (с последним бабушка не соглашалась, утверждая, что Агнешка гораздо красивее её в те же годы, хотя и она была – чистая «смерть парням»). А возможно, потому, что бабушка, довольно рано потеряв мужа (Анджей Калиновский погиб при исполнении служебного долга в возрасте тридцати девяти лет), всю свою нерастраченную любовь и энергию отдавала сначала сыну, а потом, когда родилась Агнешка, – внучке. Молодая семья Калиновских много работала и охотно пользовалась услугами бабушки Лены в деле присмотра и воспитания дочери. Благо, между невесткой и свекровью, а также между сыном и матерью отношения редко накалялись до нестерпимого градуса. Хотя и могли бы, поскольку назвать Елену Калиновскую ангелом мог разве что её муж Анджей, поскольку любил жену сильно и беззаветно с первого взгляда и до последнего вздоха.

Но ангельской у Елены была разве что внешность, да и то в молодости. Что до нрава... Стерва не стерва, но кровь

попортить своим близким Елена Калиновская при случае очень даже могла. И даже без всякого случая, – что называется, на ровном месте. Поскольку, когда семья или друзья действительно находились в сложном положении, не было надёжнее, сильнее и любвеобильнее человека, чем она. А вот когда всё у всех было хорошо...

– Это, наверное, прабабушкино наследство, – вздыхала иногда в минуту откровения Елена. – Она казачка была, донская. Евдокией звали, Дуней по-нашему. Ох и вредная, говорят. Почти как я. А уж упрямая – всю ночь просидит, а ночевать не станет.

А вот сын Елены и отец Агнешки – Януш характером выдался, как и не поляк вовсе. Ни тебе гонора, ни упрямства. Тихий, спокойный, рассудительный, малопьющий. Жену себе такую же выбрал, под стать. Вот они вдвоём успешно маме-свекрови-Лене и противостояли в минуты, когда последней, по её же русскому выражению, «попадала вожжа под хвост». Используя старый проверенный метод джиу-джитсу «поддайся, чтобы победить».

Так и жили.

Потом Агнешка выросла, и стало ясно, что в бабушку она пошла не только красотой, но и нравом. А временами, пожалуй, и в прапрабабушку – донскую казачку. Хотя, как утверждала её мама Ирена, историк по образованию, «что поляк, что казак – один чёрт. Была бы сабля и водка». А на возражения дочери, что они с бабушкой практически непьющие и

сабель в руках сроду не держали, отвечала, что и слава Иисусу, только этого им для полного счастья не хватало.

Ко всему прочему, по знаку зодиака Агнешка была Овном и, хотя, как настоящий учёный, радио и астрофизик, в гороскопы не верила, иногда мантию этого знака на себя примеряла и вынуждена была признать, что сидит она на ней, как влитая. В чём, кстати, её время от времени уверяла и бабушка Лена, которая, в отличие от Агнешки, к гороскопам относилась серьёзно и даже сама их при случае составляла.

Да что там гороскопы, бабушка Лена могла и на картах погадать, если её хорошенько попросить, и по линиям руки. При этом, как уже говорилось, оставаясь убеждённой атеисткой. На вопросы же о том, как в ней сочетается атеизм с верой в гороскопы, карточные гаданья и прочую эзотерическую чепуху, гордо отвечала, что не верит, а знает. Мол, и гороскопы, и гаданья не раз были проверены ею эмпирическим путём. Каковая проверка доказала, что большинство из предсказанного сбывается. А раз так, то о какой вере речь? Это уже не вера, а самое настоящее знание. Научное или нет – не ей судить, но – знание. И вообще. Тот, кто задаёт ей подобные вопросы, наверняка не может объяснить природу электрического тока, а между тем пользуется им ежедневно. Вот и она пользуется гороскопами и гаданиями. Не говоря уже о том, что это может быть и прекрасной игрой-общением, во время которой выясняются такие стороны и оттенки личности визави, что куда там психоанализу.

На этом обычно вопросы заканчивались.

– На Каллисто, бабушка, – ответила Агнешка.

– Каллисто была нимфой, спутницей Артемиды и лесбиянкой, если память меня не подводит. А она не подводит.

– Почему лесбиянкой? – удивилась Агнешка.

– Так Зевс её соблазнил и лишил девственности под видом Артемиды, иначе не выходило. И кончила Каллисто плохо. В другом смысле.

– Я догадалась.

– Должна была уточнить. На всякий случай.

– Ба, все древнегреческие боги, нимфы и прочие мифические существа кончили плохо. А Каллисто в наше время – это спутник Юпитера. Один из четырёх галилеевых. То есть тех, которые открыл Галилео Галилей.

– В одна тысяча шестьсот десятом году, – добавила бабушка Лена. – Или в самом конце девятого, точно не установлено.

– Ну, ба, ты даёшь, – восхитилась Агнешка.

– Это не я, это интернет. Неужели ты думаешь, что я не готовилась к нашей встрече?

– Восхищаюсь тобой, баба Лена. Так что скажешь?

– Скажу, что ты сумасшедшая. Варьят. Во-первых, с чего ты вообще взяла, что мы отправим «Россию» к Юпитеру?

– Мы?

– Мы – это значит, русские, – сказала Елена Александровна. – Извини.

– Это ты извини, что я сразу не врубилась.

– А должна была, между прочим. Ты ведь тоже русская на четверть.

– Я полька!

– Ни малейших сомнений. Но с четвертью русской крови, хе-хе. И тебе не следовало бы об этом забывать в твоём стремлении попасть в экипаж корабля с таким именем. Куда бы он ни летел.

– Хм... – Агнешка накрутила на палец локон привычным жестом. – Интересная мысль, кстати, я не подумала. Спасибо, ба.

– Вот теперь я вижу, что ты и впрямь на многое готова, – усмехнулась бабушка Лена. – Так ты думаешь, всё-таки отправят «Россию» к Юпитеру? Хотя можешь не отвечать. Я и сама понимаю, что отправят. А спросила так, для порядка.

– Если честно, то я не уверена на сто процентов, – сказала Агнешка. – Но очень на это рассчитываю. Волна поднялась – сама видишь, какая. Пенёндзы³ рекой текут. В наши русские карманы, хе-хе. Государства и корпорации в очередь выстроились – только возьмите. И краудфандинг тоже бешеный. Все хотят внести лепту.

Прав был Златопольский.

– Данила?

– Ну да, Даниэль.

– Для меня Данила, мы были знакомы в молодости. Впро-

---

³ Pieniądze (деньги по-польски, пер. автора).

чем, неважно. Пенёндзы – это хорошо. Но не они главное.

– А что, гонор?

– Почти. Гонор или честь – это тоже часть. Глянь-ка, почти стихи получились. Главное – это невозможность предпрятия. Или хотя бы его запредельная сложность. Всё, как мы любим. Чтобы только русские смогли, и больше никто. Так уже было в истории много раз, и вот опять. Это есть главное. Это есть причина, по которой «Россия» полетит на Каллисто, во что бы то ни стало. Теперь ты. Почему тебе надо туда лететь?

Агнешка объяснила. Начала с того, что ей уже двадцать шесть лет, а она не сделала в жизни ничего важного. Продолжила тем, что именно она заметила сигнал, и по праву первооткрывателя имеет полное право разобраться с этим делом до конца. Тем более что для этого у неё имеется всё, что нужно. Начиная с отменного здоровья, которое включает не менее отменную психологическую устойчивость и заканчивая соответствующей научной и технической подготовкой.

Наконец, она с детства мечтала слетать в космос, побывать на других планетах, о чём бабушке прекрасно известно. Она и радиоастрономом стала, чтобы быть поближе к этому удивительному, загадочному и бесконечному миру. И вот появился реальный шанс исполнить мечту. Как она могла остаться в стороне?

– Хорошо, – сказала бабушка Лена, выслушав внучку. – Мечта – это серьёзно. И сделать в жизни что-то важное – то-

же. Я могла бы привести в пример себя и сказать, что для меня самым важным делом в жизни стало замужество и рождение твоего отца, а потом, как следствие, и твоё появление на свет, но не стану этого делать. Каждому – своё. Ты что-то уже предприняла для исполнения этой своей мечты? Есть конкретные шаги?

– Есть, – вздохнула Агнешка. – И не один. Писала письма с резюме куда только можно, звонила, пыталась выйти на «Роскосмос» и Центр подготовки космонавтов имени Гагарина через коллег и знакомых знакомых... Пока результат нулевой. Даже хуже.

– Это как?

– Знающие люди намекнули, что я могу даже не рыпаться. Экипаж «России» – семь человек. Трое русских. И четыре места по международной квоте. Можешь себе представить, какой туда конкурс? Это, не говоря уже о том, что отбирать будут, скорее всего, среди тех, кто уже летал в космос и прошёл соответствующую подготовку. А я вообще полный новичок.

– Это не главное, думаю. Место радиопизика там есть? Должно быть.

– Я не только радиопизик, – сказала Агнешка. – Ещё радиоинженер по второй дополнительной специальности и программист. Плюс три языка, не считая латыни и родного польского.

– Русский, английский и французский, – кивнула бабуш-

ка. – И ещё ты занималась высшим пилотажем.

– Девятое место в чемпионате Европы тридцатого года, между прочим!

– Вот именно. Уверена, это тоже пойдёт в зачёт.

– В какой зачёт? Я же тебе говорю – бесполезно.

– Это мы ещё посмотрим, – сказала Елена Александровна и решительно поднялась с кресла. – Так. Теперь бы вспомнить, где моя записная книжка... Ага!

Она подошла к секретеру, покопалась там и вернулась в кресло с толстой старой записной книжкой в плотной обложке желтоватого цвета. Надела очки, которые висели у неё на груди на тонкой цепочке. Полистала страницы и торжественно провозгласила:

– Вот! Я же помню, что он был где-то здесь!

– Кто? – спросила Агнешка.

– Не кто, а что. Номер телефона.

– Чей?

– Генерального конструктора «России».

– Колосова?! – Агнешка оторопело глядела на родную бабушку и не могла поверить собственным ушам.

– Ага. Миши. Теперь уже, конечно, давно Михаила Яковлевича. Кстати. Он мне рассказывал, что изначально фамилия его предков была Колосовы, с двумя «с». Но со временем одна буква потерялась... Всё, сиди тихо, как мышь под метлой. Мне нужно позвонить.

Глава четвёртая

Звонок на комм-браслет застал Михаила Яковлевича Колосова в момент посещения туалета по малой нужде.

Давненько такого не случилось, подумал он, невозмутимо заканчивая свои дела, застёгивая ширинку и нажимая кнопку спуска воды. Помнится, в далёкой молодости, лет пятьдесят назад, когда мало кто и предположить мог, какое место в нашей жизни займут компьютеры и мобильная связь, особым умением не вовремя позвонить отличалась Ленка Московская. Совершенно безбашенная весёлая и умопомрачительно красивая девчонка, которую бог знает каким ветром занесло в их компанию талантливых начинающих писателей и поэтов (в молодости Михаил Яковлевич сочинял фантастические рассказы и всерьёз мечтал стать писателем).

Он был влюблен в неё отчаянно и бесповоротно и всегда ждал звонка. А она звонила, когда он сидел в туалете, был в душе или стоял за дверью квартиры, доставая ключи.

Слышал звонок, начинал торопиться, надевал штаны, выскакивал из душа, ронял ключи... Бывало и не успевал к телефону. Когда же успевал, то слышал её нежный мелодичный голос:

– Привет! Чего трубку так долго не брал? Я, между прочим, из будки звоню, а на улице зима, холодно...

Телефонные будки, надо же. Символ ушедшей эпохи,

можно сказать. Бросаешь две копейки, набираешь номер и говори, сколько хочешь. И отличное укрытие от внезапной непогоды, если поблизости нет удобной подворотни, магазина или входа в метро.

Забавно, что он вспомнил о Ленке. Тысячу лет не вспоминал и – на тебе. Наверное, звонок виноват.

Браслет продолжал мелодично заливаться.

Михаил Яковлевич помыл руки, тщательно вытер их полотенцем.

Комм-браслет не умолкал.

Да что ж такое, кто это там такой настойчивый?

Он вызвал к жизни вирт-экран.

Ага, такого номера в памяти нет.

– Алиса, откуда звонок?

– Звонок из Польши, – сообщила голосовой помощник.

Из Польши? Хм, кто бы это мог быть... Ладно, сейчас узнаем.

– Слушаю, – сказал он буднично.

– Миша? – голос был женский и очень знакомый. Только забытый. Сейчас-сейчас... Сердце неожиданно забилося быстро и горячо.

– Мишка, это ты или нет? Судя по тому, что опять долго не берёшь трубку, я не ошиблась. Миша, ау!

– О, Господи, – сказал он и нервно откашлялся. – Лена?

– Ха-ха, узнал! – засмеялся голос в далёкой Польше. – Она самая. Как жизнь молодая, дорогой?

– Да где ж она молодая... Погоди, ты откуда звонишь?

– Из Кракова, откуда же ещё. Ты разве забыл, что я живу в Кракове?

– Помню. Но столько лет прошло, мало ли... Люди пере-
езжают.

– Не о том говорим, – решительно заявила она, и Колосов подумал, что Ленка ничуть не изменилась – такая же решительная и готовая взять в нужный момент любого быка за рога. – Хочешь видеосвязь?

Михаил Яковлевич посмотрел в зеркало. Ему было семьдесят четыре, и последние двенадцать лет он жил вдовцом. Хозяйство вела приходящая домработница, и генеральный конструктор революционного космического корабля был относительно ухожен. Во всяком случае, не ходил в грязной и мятой одежде, голодным и немытым. Постарел – да, не без этого. Но для своих лет выглядел очень даже неплохо. Да и чувствовал себя так же. Будь иначе, давно ушёл бы на пенсию и...

«Что – и? Разводил бы пчёл на даче? Выращивал там же цветы и картошку? Чинил забор? Рыбачил? Собирал грибы? Глупости. После смерти Лидочки он довольно быстро осознал: единственное, что способно его спасти и удержать в этой жизни по-настоящему – это работа. Только она, любимая. Раньше было две любимых – Лидочка и работа, а теперь осталась одна. Хобби (он любил водить машину, копаться в моторе и играть в шахматы) не считается. Были бы дети,

любил бы их. Наверное. Но детей у них с Лидочкой не случилось. Может быть, потому и дача зарастала травой и приходила постепенно в полное запустение. Что там делать одному? Даже удовольствие от вождения машины снизилось вдвое, потому что он любил, когда справа сидит жена – самый лучший штурман и собеседник в мире. Эх...»

– Миша, ты там живой? – голос Лены вывел его из задумчивости.

– Здесь я, извини. Что ты говоришь? Видеосвязь? Ладно, давай попробуем, если не боишься.

– Ха! Это я-то? Трепещи, старый пень! Включаю.

На вирт-экране возникло женское лицо. Да, пожилое и даже весьма. Лицо, которое вряд ли бы заставило быстрее забиться сердце двадцатилетнего юноши или тридцатилетнего молодого человека. «А также сорока и пятидесятилетнего», – добавил он про себя.

Но это была она, всё та же Ленка Московская.

Конечно, покрашены волосы, а морщины никуда не спрячешь. Но губы ещё не утратили полностью своей восхитительной формы, и в глазах не тусклое безразличие усталого от жизни человека, а интерес и даже, кажется, остатки прежнего задора. На мгновение ему почудился запах французских духов Angel, которые так обожала Ленка в молодости, и которые было почти невозможно достать. Но ему пару раз это удавалось.

– Неплохо сохранился, – улыбнулась она, блеснув хоро-

шими искусственными зубами. – Я довольна.

– А ты так и вовсе не изменилась, – сказал он искренне. – Представляешь, я даже почти учуял запах твоих духов.

– Angel, – сказала она. – Помнишь. Молодец. Слушай, Миша, ты на пенсии или продолжаешь работать? Насколько я тебя помню, должен продолжать.

– Так и есть, – сказал он. – Только работа и спасает, если честно.

Он и сам не знал, почему вдруг почувствовал такой прилив радости от звонка этой пожилой, такой незнакомой и в то же время хорошо знакомой женщины. Как будто и не было этих пятидесяти лет разлуки. Ладно, не пятидесяти, – тридцати, если учитывать их короткую встречу на Лазурном берегу осенью две тысячи четвёртого года.

Они с Лидочкой тогда, помнится, решили отдохнуть, и Лидочка настояла на этом волшебном средиземноморском побережье Франции. Он возражал – дорого, мол, зачем, прекрасно можно отдохнуть в Крыму, Турции или где-нибудь на Крите. Но она убедила его в том, что думать нужно не о деньгах, которых всё равно вечно не хватает, а о себе. Тем более что деньги сейчас на такой шикарный отдых есть. А вот будут ли завтра – неизвестно. И убедила.

– Я сочувствую твоей потере, дорогой, – сказала Лена. – Извини, что не позвонила тогда, двенадцать лет назад. Посчитала, что это будет неуместным.

– Спасибо, – сказал он. – Ничего. Это было давно, и я,

кажется, уже привык. Хотя, конечно... Так что у тебя? – он взял деловой тон, чтобы скрыть неожиданно дрогнувший голос. – Сделаю всё, что в моих силах.

В течение следующего получаса генеральный конструктор межпланетного пилотируемого корабля «Россия» Мишка Колосов опомниться не успел, как уже пообещал Ленке Московской любое содействие в деле устройства её внучки Агнешки в отряд космонавтов. Разумеется, только на правах кандидата.

«Ты же понимаешь, что её могут забраковать по здоровью и массе других объективных факторов, и тут я буду бессилен. При всей моей к тебе любви и старой памяти».

«Слово любовь мне нравится. Старая память – не слишком. Поэтому я предлагаю нашу память обновить. И уж, конечно, я не требую от тебя измены своему долгу. Главное, чтобы по субъективным факторам не забраковали. А то знаю я вас. Или нас? Запуталась».

«По субъективным не забракуют. Нажму на все рычаги».

«Давай. Когда ты нас ждёшь?»

«Э... да в любое время. Хоть завтра».

«Гостиницу бронируешь или мне самой?»

«Какая гостиница, у меня остановитесь, места навалом».

«Ну что ты, Миша, это неудобно».

«Ещё как удобно. Я настаиваю».

«Ну, если настаиваешь... Никогда не могла тебе отказать».

Да ладно, не могла, внутренне ухмыльнулся он. Ещё как могла. И не раз отказывала. Хотя, будем честны, бывало, и шла навстречу.

Но вслух ничего такого не сказал, а, наоборот, подтвердил:

– Да, настаиваю. Я один живу, вы несколько меня не стесните, буду только рад. И сообщите время прилёта и номер рейса, встречу.

– Договорились. Агнешка, иди-ка сюда, познакомься с моим старинным другом Михаилом Яковлевичем.

Рядом с Еленой появилось лицо Ангешки, и Колосов сразу отметил сходство. Не идеальное, но вполне достаточное, чтобы его сердце окончательно растаяло.

– Здравствуйте, Михаил Яковлевич, – на чистом русском языке с едва заметным акцентом сказала Агнешка. – Мы не слишком вас напрягли?

– Ну что вы, наоборот, – улыбнулся он. – Приятно, когда ты ещё нужен. И очень рад знакомству. Вообще, всё это, по моему, не просто так.

– То есть?

– Ну вот это. Внучка моего давнего... – тут пришлось сделать короткую паузу на поиск уместного слова, – друга оказывается тем человеком, который ловит самый потрясающий, удивительный и будоражащий воображение радиосигнал в истории человечества. И она же мечтает попасть в экипаж межпланетного корабля, который может добраться до

источника этого сигнала и к которому – кораблю, а не сигналу – я имею самое непосредственное отношение. Знаете, я после вашего звонка даже как-то помолодел. Словно бы понял, что всё было не зря в этой жизни. Только вот... – он замолчал. Мысль, которая только что стукнула ему в голову, была не слишком приятной. Да что там, совсем неприятной. Ужасной она была: «Программа испытаний «России» сокращена, и ты это знаешь. Полёт к Юпитеру был запланирован в самом лучшем случае лет через пять. Но полетим сейчас. Ты уверен в надёжности корабля, товарищ генеральный конструктор? Отвечаешь за безопасность экипажа? А с учётом того, что там может оказаться Агнешка – внучка твоего, как ты изволил выразиться, старого друга?»

Видимо, пауза затянулась, и все эти мысли отразились на его лице, потому что Лена мягко сказала:

– Ну что ты переживаешь, Миша? Мы в тебя верим. И знаем совершенно точно, что ты не мог сделать плохой корабль. Русские вообще не умеют делать такие масштабные вещи плохо, ты мне сам когда-то рассказывал, это же не фен для волос. Трёхлинейка, Т-34, автомат Калашникова, атомные реакторы, «Союзы», «Баргузин»... Теперь, вот, твой корабль «Россия». Правда, Агнешка?

– Чистейшая правда, – подтвердила внучка. – Я не боюсь. Наоборот, очень хочу. И вся ответственность за это решение только на мне. Don't worry, Михаил Яковлевич, don't worry.

– Be happy, – закончил он за неё словами старинной пес-

ни. – Спасибо, девушки, я постараюсь не париться. Но не обещаю. Идите уже покупать билеты и собирать чемоданы. Жду вас как можно скорее. Пока.

– До встречи, Мишенька, – сказала Лена и послала ему воздушный поцелуй.

– До свидания, Михаил Яковлевич, очень было приятно познакомиться. Честное слово!

Он положил виртуальную трубку. Хорошее бодрое настроение не покидало генерального конструктора до конца дня.

Как всякий хороший политик, Государственный секретарь Соединённых Штатов Америки Джордж Саймон Редвуд отлично умел контролировать свои чувства. Поэтому в Овальный кабинет он вошёл с искренней благожелательной улыбкой на устах.

– Привет, Джордж! – махнула ему рукой со своего места Оливия Трэвис. – Рада вас видеть. Проходите, садитесь, я сейчас.

И снова уткнулась в вирт-экран своего рабочего компьютера. Было видно, как напряжённо и быстро бегают её глаза по строчкам какого-то документа.

Вот что бывает, когда Президентом великой страны становится девчонка от Демократической партии без малейшего понятия о том, что значит уважение, не в первый и, видимо, не в последний раз подумал Редвуд.

Всё с той же улыбкой, которая стала ещё шире и приобрела дополнительную искренность и благожелательность, он прошёл в знакомый кабинет (двери мягко закрылись за ним сами), уселся в кресло и забросил ногу за ногу.

Оливии Трэвис было сорок пять лет. Белая, разведена, сыну двенадцать. Феминистка и демократка с головы до пят – пробы ставить негде, как могли бы сказать русские. Президентом США она стала год назад, выдержав невероятно сложную предвыборную гонку с популярным в народе кандидатом-республиканцем и добрым товарищем Джорджа – Билли Бекфордом по кличке Техасский Рейнджер (он был родом из Техаса и в молодости носил на груди «синко песо» – звезду, традиционно сделанную из мексиканской серебряной монеты образца 1948 года номиналом в пять песо).

Победа была у Билли практически в кармане, всё к этому шло, но в последний момент демократы вытащили на свет старую историю конца прошлого века, отряхнули с неё пыль и подняли хай выше антенн чикагского Уиллис-тауэр.

История о том, как сорок лет назад, в апреле тысяча девятьсот девяносто второго года, молодой техасский рейнджер Уильям Бекфорд пристрелил ещё более молодого наркокурьера-мексиканца. Тот выхватил пистолет и нажал на спусковой крючок первым. Пуля задела Билли плечо, так что защитить себя и послать пулю в ответ он имел полное право. По всем законам. Мало того, ему тогда даже вынесли официальную благодарность, и газеты Техаса писали о храбрости

молодом рейнджере, который, был ранен в перестрелке, но выполнил свой долг.

Однако, раскопавшие через сорок лет эту историю журналисты-демократы, выяснили хорошо забытые, а значит, словно бы новые подробности. Убитый наркокурьер, оказывается, был хоть и мексиканцем по национальности, но являлся несовершеннолетним гражданином США (ему оставалось две недели до двадцати одного года). При этом круглым сиротой, мечтающим позаботиться о своей младшей сестре, которую с ним разлучили по причине его и её несовершеннолетия.

Эти душещипательные подробности стали известны из дневника убитого, который тот вёл в течение примерно года. Выдержки из дневника юного сироты-наркокурьера, написанного в сентиментальном поверхностном стиле, который так нравится уголовникам и психически неуравновешенным людям, печатались во всех ведущих периодических интернет-изданиях США, придерживающихся демократической ориентации, и пользовались невероятной популярностью.

Нет, шакалам-журналистам хватило ума не обвинять Уильяма Бекфорда в убийстве несовершеннолетнего напрямую, но параллели они проводили самые недвусмысленные. Такие, что любому идиоту становилось ясно: человек, без жалости отправивший на тот свет юного сироту, жертву обстоятельств, из которого вполне мог бы вырасти полезный и достойный член общества, не может быть лидером великой

страны и великого американского народа. И – да, мы намеренно не используем слово «нация». Потому что, как раз лидером нации такой человек запросто может стать. Догадываетесь, почему?

Это было отвратительно, с какой стороны ни посмотри. Но это сработало. Результат вот он – за президентским столом.

Джордж Редвуд незаметно вздохнул.

– Не вздыхайте, Джордж, – сказала Оливия. – Я уже почти закончила... Так, а здесь у нас что? «Исходя из вышесказанного, становится понятно, что увеличение субсидирования государственной программы поддержки...» Ага, всё понятно. Что ж, слушаю вас, Джордж, – она выключила экран. Тот мгновенно свернулся в точку и пропал.

– Я по поводу русских, – сказал Джордж.

– Ну ещё бы, – усмехнулась Оливия. – Все проблемы всегда от них, да?

– Шутки – это хорошо, – улыбка Государственного секретаря США могла бы осветить Овальный кабинет самой глубокой ночью при отсутствии электричества и свечей. – Но боюсь, как бы не посмеялись над нами.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что русские всё-таки решили отправить свой корабль к Юпитеру. С экипажем.

– Погодите, – Президент США очаровательно наморщила лоб. – На поиски этих гипотетических чужих?

– Они не гипотетические, а самые натуральные. Это факт. Разве вы не читали доклад специальной комиссии Конгресса по этому поводу?

– Да-да, читала, конечно. Просто мне показалось, что наличие радиосигнала – ещё не вполне доказательство. Остается тысячная доля процента, что мы имеем дело с умелой мистификацией. Разве нет?

Кто ей наплёл всю эту чепуху, интересно, с неудовольствием подумал Редвуд, а вслух произнёс:

– Есть точно такая же вероятность, что весь наш мир и мы сами – сплошная иллюзия и мистификация. Что ж теперь, дела не делать?

Чужие существуют. Как бы нам ни хотелось думать иначе. Но хуже всего не это. Хуже всего, что в этой, не побоюсь этого слова, исторической ситуации все козыри у русских.

– Корабль «Россия», – сказала Президент США.

Не такая уж она и дура, подумал Госсекретарь и кивнул:

– Он самый. Плюс экипаж. Вы, надеюсь, в курсе, что он будет международным? Русские сами предложили. Всего семь человек. Из них трое русские, – это, как мне доложил надёжный источник, уже решено и не обсуждается. Остаются четверо. Мне кажется, мы должны застолбить за собой хотя бы два места из четырёх. С гарантией застолбить.

– Должны? – Оливия приподняла бровь.

– Именно. Должны. Не русским, понятно. Себе. Мне нужно объяснять, зачем?

– Обойдусь без ваших лекций, – Оливия откинулась на спинку кресла, её пальцы выбили на подлокотниках короткую дробь (Редвуд не узнал мелодию). – Извините, Джордж, но иногда вы бываете чертовски занудным с вашей проповедью очевидных истин.

– Лучше прослыть занудным, чем безответственным, – парировал Джордж.

– И это тоже верно, – кивнула Оливия. – Так что от меня нужно?

– Честно?

– Рискнём.

– Звонок товарищу Столярову.

– Бросьте, Джордж, какой он товарищ.

– Он тысяча девятьсот семьдесят шестого года рождения, успел побывать в этом их коммунистическом союзе молодёжи, комсомоле. Значит, товарищ. И вообще, вы недооцениваете русских в этом смысле.

– То есть?

– Все они как были, так и остались товарищами. Просто некоторые хорошо маскируются под господ.

– Джордж! – засмеялась Оливия. – Я понимаю вашу ненависть к коммунизму, как идеологии, но право, это иногда похоже на паранойю.

– Лучше быть параноиком, чем... Впрочем, кажется, что-то подобное я только что говорил. Позвоните Столярову, мэ. И помните – нам нужно два места. Лучше три.

– Три – это вряд ли, – сказала Оливия.

– Но помечтать-то можно?

– Помечтать можно. Когда нужно звонить?

– Лучше всего сегодня. Ещё лучше – прямо сейчас.

– Ого, – сказала госпожа Президент.

– Время не ждёт. Как говорят русские, надо ковать железо, пока оно горячее.

– Они так говорят? Кстати, Джордж, давно хотела спросить. Откуда у вас такое хорошее знание России и вообще русских, включая язык?

– Они наш главный противник на этом шарике, – сказал Редвуд. – А противника нужно хорошо знать.

– Окей, пусть будет по-вашему. Попробуем заняться ковкой горячего железа, – она протянула руку, сняла трубку телефона. – Соедините меня с Президентом России. Прямо сейчас. Да, жду.

Редвуд поднялся, намереваясь покинуть Овальный кабинет.

– Сидите, Джордж, – попросила Оливия, прикрыв ладонью микрофон. – Как ни странно, мне с вами спокойнее. Сейчас всё и выясним.

Редвуд кивнул и снова уселся. Ему было приятно доверие Оливии, и он подумал, что, пожалуй, поторопился в своих оценках. Возможно, из госпожи Трэвис выйдет толк.

– Да, – сказала в трубку она, – я готова, – быстрая улыбка. – Здравствуйте, Александр, рада вас слышать! – Оливия

говорила по-английски. Редвуд знал, что её слова, так же, как и говорящего по-русски Президента России синхронно и почти безупречно переводит ИИ последнего поколения, специально натасканный на эту задачу. – Спасибо, что согласились уделить мне минуту вашего драгоценного времени...

Голоса русского Президента Александра Столярова Госсекретарь США Джеймс Редвуд не слышал. Но по репликам Оливии мог сделать вывод, что беседа идёт в нужном русле. Хотя и не так удачно, как можно было надеяться.

– Александр, я не буду долго ходить вокруг да около. Скажу прямо. Мы очень рассчитываем на участие в исторической миссии вашего чудесного космического корабля. Я имею в виду «Россию», разумеется. Да. Да. Финансирование – это само собой. В должном размере, мы не останемся в стороне, в конце концов, дело общее, всё человечество заинтересовано, и мы тоже... Да. Да, конечно. Непременно. Так вот, речь о непосредственном участии американских астронавтов. У нас давнее и успешное сотрудничество в этой области, не мне вам рассказывать. Скажу прямо. Мы бы хотели два места в экипаже. Видите, как скромно? Всего два из семи... Одно? Господин президент, честно скажу, что хотела торговаться о трёх. Постеснялась. Но при всём уважении, одно – это слишком мало. Два. Вот и Госсекретарь здесь рядом со мной, и он тоже просит два. Правда, Джордж?

– С глубочайшим уважением, – подтвердил Редвуд. – И передайте господину Президенту моё восхищение его сме-

лым решением послать «Россию» к Каллисто.

– Он подтверждает, – сказала Оливия в трубку. – Два. С глубочайшим уважением. И просит передать своё восхищение вашей смелостью и решительностью. Спасибо, передам. Так что скажете?

Некоторое время она молчала, внимательно слушая, что говорит ей русский Президент, затем сказала:

– Хорошо, спасибо, Александр. Я всё поняла. Мы готовим двоих, но гарантировано рассчитываем на одного. Пока рассчитываем, – слово «пока» она произнесла с нажимом. – Я сообщу НАСА, они свяжутся с вашими службами сегодня же. Да. Хорошо. Рада была пообщаться. До свидания.

Он положила трубку. Хмыкнула. Растёрла щёки. Коротко и внимательно посмотрела на Джорджа.

– Знаете, что он потребовал за второе место? – осведомилась.

– Потребовал? – переспросил Джордж.

– Хорошо, предложил обмен. Но это было очень похоже на требование. Хотя и мягкое, признаю.

– Мягкое требование... – повторил Редвуд. – Попробую догадаться.

Он сделал вид, что напряжённо, но быстро думает, затем сказал:

– Крым?

– В точку. Он хочет, чтобы мы признали Крым русским.

– Хм.

– Это всё, что вы можете сказать?

– Ну почему же, могу и больше.

– Давайте, – кивнула Оливия. – Только честно.

– У нас прямо день честных высказываний, – заметил Редвуд.

– Я этому только рада. Итак?

– Фактически, Крым давно русский, – решительно произнёс Редвуд. – А главное, всегда им был и вряд ли в обозримом будущем положение изменится. И местные жители не мыслят себя вне России. Но об этом не будем, иначе далеко уйдём. Скажем о насущном. Двадцать лет – это много. Можно и признать. Тем более, многие уже признали. Те, кто по-дальновиднее.

– То есть, вы предлагаете сдаться и признать, что наш, как вы говорите, главный противник нас победил? – осведомилась госпожа Президент. Неожиданно тон её стал ледяным.

Не верю, подумал Редвуд. Хотя в Голливуде бы оценили. Я даже знаю парочку конкретных продюсеров.

– Проиграть сражение – не значит проиграть войну, – сказал он. – А Украина, если уж быть откровенным до конца, нам больше не интересна ни в каком виде. Она давно не козырь, а балласт. Шестёрка, которую сбрасывают в надежде на флеш-рояль в прикупе. Поэтому, повторяю, можно признать. Но двух мест в экипаже за такое признание мало.

– Три места нам не удастся получить, сразу вам говорю, это утопия. Я хорошо знаю Александра Столярова, поэтому

даже заикаться не стала.

– Бог с ним, с третьим местом.

– Окей. Что ещё? Ближний Восток, Индонезия, пересмотр Договора об Антарктиде?

– Нет, – покачал головой Редвуд. – Эти вопросы можно решать обычным дипломатическим путём. А мы куём железо, не забыли? Поэтому я бы посоветовал очень мягко потребовать или попросить, как сами решите, полноценного участия США в строительстве второго межпланетного корабля. С допуском ко всем технологиям, включая технологии ядерной энергодвигательной установки, ионных двигателей и противорадиационной защиты.

– Второго межпланетного корабля... – повторила Оливия Трэвис. – Думаете, будет второй корабль?

– Обязательно, – кивнул Редвуд. – При всех достоинствах, «Россия» – опытный образец, прототип. А человечеству потребуется мощный, полноценный корабль, на котором можно быстро и безопасно добираться до любых уголков Солнечной системы. Очень скоро потребуется. И это ещё не всё.

– Инопланетные технологии, – догадалась Оливия. – Вы думаете об инопланетных технологиях!

– Сегодня воистину счастливый день, – улыбнулся Джордж Саймон Редвуд. – Президент и Госсекретарь, демократ и республиканец, мыслят в унисон и согласны друг с другом. Надо будет отметить. Именно так, мэм! Инопланетные технологии! Если на Каллисто находится корабль чу-

жих – неважно, с живыми разумными существами на борту или нет, то это значит, что он сумел преодолеть межзвёздное пространство. И полноценное участие в экспедиции и строительстве второго корабля, даст нам почти равные шансы с русскими овладеть этими фантастическими технологиями. Иначе – неизбежный проигрыш и безнадежное отставание в гонке за технический прогресс. О новом оружии, которое могут дать все эти технологии, я уже даже не говорю.

Госсекретарь вскочил и возбуждённо прошёлся по кабинету, увлечённый собственными мыслями, которые, опережая друг друга, теснились в его голове. Оливия смотрела на него блестящими глазами.

– Крым! – воскликнул Редвуд. – Да что там Крым, – он невольно понизил голос. – Ради такого дела, я бы намекнул русским, что мы и Донбасс готовы признать. Не сразу, конечно. Не завтра.

– Ого, – откинулась в кресле Президент США. – А ещё говорят, что республиканцы – консерваторы. Да вы настоящий революционер, господин Госсекретарь!

– Ну что вы, – сказал Редвуд. – Мной движет чистый прагматизм и любовь к Родине.

– А Украину, значит, окончательно отдаём русским на растерзание? – по губам Оливии скользнула тонкая улыбка.

– Да бросьте, мэм, какое там растерзание. Не будет никакого растерзания, сами разберутся постепенно. Без малого четырёхста лет назад разобрались, и опять разберутся. По-

верьте, усиление России за счет Украины – это полная ерунда по сравнению с тем, которое Россия получит, единолично захватив все инопланетные технологии, – он перевёл дух и огляделся ищущим взглядом. – Знаете, Оливия, возможно, моё заявление покажется вам неожиданным и даже шокирующим, но я бы выпил. За то, чтобы у нас всё получилось.

– Виски в баре, Джордж, – сказала Оливия. – И мне налейте. Со льдом. Как там говорят русские, – гулять так гулять?

Джордж Саймон Редвуд ухмыльнулся и направился к бару. День определённо удался, и перспективы, которые он открывал, внушали Госсекретарю США радость и надежду.

Глава пятая

Полковнику ВВС, летчику-космонавту и Герою России Ивану Сергеевичу Алёхину не удалось поскандалить с женой.

В следующем две тысячи тридцать четвёртом году, седьмого мая, Ивану Сергеевичу исполнилось пятьдесят, а ещё через два дня, девятого, в День Победы, – двадцать пять лет их совместной с Дашей жизни. Серебряная свадьба. Пролетели годы – не заметил. В любви и согласии. Двоих детей родили и воспитали. Старшему Виталию – двадцать четыре года, уже семейный человек, работают с женой на космодроме «Восточный».

Младшей Варваре – девятнадцать, студентка МАИ, умница и красавица. Мечтает строить космические корабли и летать на них. Как папа.

Чего ещё желать?

Он и не желал. Поэтому известие о своём назначении первым кандидатом в командиры межпланетного корабля «Россия» и экспедиции на Каллисто принял спокойно. Поначалу. И только вернувшись домой, понял, что волнуется. Да ещё как.

Юпитер! Чёрт возьми, немыслимая, безумная даль. Предел мечтаний – Марс, и туда он как раз рассчитывал попасть, поскольку план был утверждён, и он в этом плане фигуриро-

вал. Сначала в качестве командира корабля во время испытательных полётов, а затем – командира корабля и экспедиции на Марс.

Теперь, как ему сегодня рассказали, испытательный полёт сведётся к петле в плоскости эклиптики. Два с половиной миллиона километров туда, два с половиной обратно. На всё про всё две недели. Полная нагрузка на все системы, форс-режим, интенсивная отработка нештатных ситуаций. Затем пять дней отдыха на Земле и – старт к Юпитеру.

Безумие.

Он снял куртку, разулся, прошёл на кухню, откуда доносился восхитительный запах жарящихся беляшей.

– Привет, – чмокнул жену в щёку, уселся за стол.

– Привет! – откликнулась Дарья, ловко орудуя деревянной лопаткой. – Чего так рано? Беляшик?

– Лучше два. Или даже три. И чаю.

– Чаю сам налей, только что закипел. А беляши сейчас будут готовы.

Он налил себе чаю в любимую большую полулитровую чашку с изображением «Гагаринского старта» космодрома «Байконур», положил две ложки сахара, размешал. Жена поставила перед ним тарелку с беляшами.

– Смотри, горячие, только с огня.

– Ага, – сказал он. – Сейчас, руки забыл помыть.

Сходи в ванную, вернулся. Ухватил беляш и тут же, шипя, отпустил:

– Чёрт, горячий!

– А я тебе что говорила, – Даша выключила огонь, вытерла руки полотенцем, села напротив. – Что случилось?

– Ничего, нормально всё.

– Да уж, вижу. Давай, рассказывай. Каллисто?

– Поразительно, – сказал он. – Ты мысли мои читаешь, что ли?

– Конечно, – кивнула она с серьёзным видом. – Ты разве не знал?

Он вздохнул. Снова ухватил беляш, подержал в пальцах – терпимо. Осторожно куснул. Было очень горячо и очень вкусно. Прожевал, запил чаем, проглотил.

Дарья ждала.

– Что-то ты спокойная какая-то, – сказал он. – Понимаешь хоть, куда меня отправляют?

– Чего уж тут не понять, – ответила она. – Почти шестьсот миллионов километров туда и столько же обратно. Интернет в помощь. Да я и без него знала. Ты не забыл, кто мой муж?

Он промолчал. Откусил второй кусок. Затем третий. Наконец, доел весь беляш и взялся за второй.

Когда он съел третий, Даша сказала:

– Видишь, легче стало. А ты волновался. И даже думал, что я могу устроить тебе скандал на почве этой ужасной новости. Ведь думал, признайся?

– Думал, – вздохнул он. – В конце концов, должно же у тебя когда-нибудь кончиться терпение?

– Что-что? – изумилась она.

– Женское терпение, – пояснил он. – С такой профессией, как у меня, оно должно когда-нибудь закончиться.

– А что такого особенного в твоей профессии?

– Как это? – он почувствовал, как самолюбие кольнула лёгкая обида. – Я вообще-то космонавт. И мне предстоит опаснейший полёт. Таких никто ещё не совершал.

– Мужчины, если они, конечно, нормальные мужчины, постоянно совершают то, что до них никто не совершал. Магеллан, Амундсен, Чкалов, Гагарин, Нил Армстронг. Те, кто остановили немцев под Москвой и в Сталинграде. Врачи, учёные, пожарные, спасатели... Да мало ли! Но как ты думаешь, что труднее – ждать мужа из долгого и опасного космического полёта или с войны? Миллионы русских женщин ждали, а я чем лучше? Тоже жду. Каждый раз волнуясь, переживаю и даже плачу иногда. Но – жду. Это входит в мои обязанности жены. Жены космонавта, твоей жены. Вот уж не думала, что такие элементарные вещи я должна объяснять. И кому! Ивану Алёхину, легенде русской космонавтики, Герою России! – она едва заметно покачала головой. – Ты фильмов, что ли, голливудских насмотрелся? Так вроде вместе посмотрим, репертуар мне известен. Или... – Дарья внимательно посмотрела на мужа. Иван встретил её взгляд и отвёл глаза.

– Ясно, – сказала она. – Волнуешься. И даже где-то боишься. Ничего, это бывает. Даже с самыми лучшими из мужчин. Погоди-ка.

Она поднялась, достала из холодильника початую месяц назад бутылку водки, банку с солёными огурцами и поставила всё это на стол. Затем на столе появились две стопки и новые, покрытые золотистой корочкой, источающие изумительный аромат, беляши со сковородки.

– Наливай, – сказала Даша, выкладывая на тарелку огурцы.

– Уверена? – Иван с сомнением глядел на запотевшую бутылку.

– Уверена. Чисто в терапевтических целях. Тебе ведь на службу уже не надо сегодня?

– Не надо. Если срочно не вызовут, конечно.

– А и вызовут, так что?

– Ты права, – сказал он. – Имею право.

Решительно взял бутылку и разлил водку по стопкам. Случай, когда Дарья сама предлагала ему выпить, можно было пересчитать за все годы их совместной жизни по пальцам. Да он и сам был к выпивке равнодушен, хотя хорошую душевную компанию поддержать при случае мог. Собственно, ни советские, ни российские космонавты никогда не были трезвенниками. Как, впрочем, и советские, а затем российские военные лётчики. Кто он такой, чтобы нарушать традицию?

– За тебя, – сказал он и поднял стопку.

– Нет, – покачала головой жена. – Сначала за тебя, Ваня. Ты у меня самый лучший и справишься с любой задачей, я верю. Давай за это.

Они чокнулись, выпили. Закусили огурчиками и беляшами. Иван почувствовал, как ледяная водка, словно огонёк по бикфордову шнуру, пробежала по жилам, мягко взорвалась в мозгу.

Стало хорошо и легко. Чего он вдруг замандражировал, идиот? Родина не ставит невыполнимых задач. Трудные – да. Но все они выполнимы. При должной подготовке экипажа, правильной и чёткой организации, надёжной технике и соответствующих личных качествах командира. В технике он уверен. Да, МПК «Россия» – экспериментальная машина, прототип. Но он знает, на что этот прототип способен. Что Юпитер, он до Сатурна долетит и вернётся в случае нужды! А может быть, и дальше. Опасно? Да, опасно. Но когда было по-другому? Права Даша, умничка его любимая, мгновенно раскусила его состояние и провела короткую и эффективную психотерапию. Как же я её всё-таки люблю...

Иван разлил по второй:

– А вот теперь за тебя, родная, – сказал прочувственно. – Спасибо тебе, без тебя я – никто и ничто. Ни черта бы у меня без тебя не вышло, точно тебе говорю. Поэтому... В общем, люблю тебя и буду любить всю жизнь. Так и знай.

Он чокнулся с женой и залпом проглотил содержимое стопки, чтобы убрать неожиданно подступивший к горлу спазм.

– Михаил Яковлевич, ты, наверное, шутишь, да? – с на-

деждой спросил Пётр Игнатьевич Ригерт, начальник Центра подготовки космонавтов им. Гагарина. – Ну, признайся? Я пойму, и мы даже вместе посмеёмся. Обещаю.

Неделя выдалась у Петра Игнатьевича та ещё. Пожалуй, он с полным основанием мог сказать, что в жизни на его долю не выпадало нервотрёпки столь высокого качества, как за последние семь дней. Пять рабочих и выходные. Которые остались выходными только в календаре.

Сказать, что в эти дни Пётр Игнатьевич крутился, словно белка в колесе, – это всего лишь употребить истёртый до-нельзя штамп и не добиться нужного эффекта. Куда там белке. Та, по крайней мере, может остановить свой бег в любой момент и отправиться грызть любимые орешки. Белка, ха! Гладиатор на залитой кровью арене древнеримского цирка – вот правильное сравнение. Один против нескольких противников.

Вот он приседает, пропуская над собой смертельное жало копья, и в следующую секунду высоко подпрыгивает, дабы избежать коварной подсечки меча-гладиуса. Тут же парирует щитом удар боевого трезубца и делает быстрый шаг назад и вбок, минуя сеть ретиария. И снова прыжок, уклон, парирование. Ноги дрожат от напряжения и усталости. Едкий пот заливает глаза, левая рука – сплошная боль, и кажется, что сил поднять тяжёлый щит, чтобы закрыться от очередного удара, не осталось. Но он поднимает. И снова крутится на раскалённом песке в борьбе за жизнь и свободу.

Да, самое главное. У этого гладиатора нет оружия и ответить противнику ударом на удар он не может. Таковы правила игры. Он должен продержаться определённое время. Когда время выйдет, бой закончится. Или его победой, – значит, жизнью. Или его смертью – значит, поражением.

– Петя, скажи, я когда-нибудь подобными вещами шутил?

Генеральный конструктор МПК «Россия» Михаил Яковлевич Колосов сидел в кабинете Петра Игнатьевича в свободной позе человека, который может себе многое позволить, забросив ногу за ногу, и смотрел на хозяина кабинета спокойным взглядом.

– Помилуй, Михаил Яковлевич, какая ещё полька? Экипаж – семь человек. Из них – трое наших, двое американцев, один немец и одна китаянка. Всё! Тебе рассказать, кто мне звонил, утрясая этот национальный состав, или сам догадаешься?

– Она не просто какая-то полька. Она – та, кто поймал сигнал с Каллисто. Агнесса Калиновская. Радиофизик и астроном высочайшего класса. Инженер-радиотехник, причём специализирующийся именно в космической радиотехнике. Русский и английский в совершенстве. Чуть хуже французский и латынь, но тоже вполне на уровне. Отменное здоровье. Плюс девятое место по высшему пилотажу на Чемпионате Европы две тысячи тридцатого года. Чего тебе ещё надо?

– Мне? Мне – ничего. Я, что ли, виноват, что некий Коло-

сов Михаил Яковлевич спроектировал и построил корабль, экипаж которого не может быть больше семи человек?

– Это полная ерунда! – рявкнул Михаил Яковлевич. – Петя, ну как тебе не стыдно? – добавил он мягче. – Ты не хуже меня знаешь, что «Россия» рассчитана на девятых. Если чуть потесниться – десятерых. Просто наши великие психологи посчитали, что семь – оптимальное число. Хочешь знать, что я думаю по этому поводу? Суеверие чистой воды. На уровне черного кота через дорогу и троекратного плевок через левое плечо. Смешно, честное слово.

– Ага, смешно. Тебе сказать, в какую сумму обходится отправить одного человека в систему Юпитера или сам догадаешься? Я уже молчу о том, что она не прошла даже стандартной двухгодичной подготовки в отряде.

– Это не проблема. Уверен, она справится в ускоренном режиме. А не справится, ты её отчислишь, и все дела. Что касается суммы, то и тут я не вижу ни малейших препятствий. Поляки будут счастливы оплатить подготовку и полёт соотечественницы. Из последних штанов выпрыгнут. А то я их не знаю с их гонором и понтами. Такие же, как мы, если не хуже. К тому же, – он доверительно понизил голос, – ты сильно недооцениваешь эффект интриги.

– Какой ещё интриги? – буркнул Ригерт.

– Современная наука, включая любое мало-мальски важное исследование – это шоу, – пояснил Колосов. – А в любом шоу должна быть интрига. Иначе смотреть не будут. Зри-

тель до последнего не должен знать, сколько именно человек полетит на Каллисто. Семь? Восемь? Может быть, даже девять? При этом готовятся все двадцать... Да что я, спрости у пиар-службы «Роскосмоса», они тебе то же самое скажут. Чем волнительней интрига, тем больше денег. Нет интриги – можешь забыть об инвестициях. Хочешь, расскажу, какие я интриги закручивал, когда «Россию» проектировал и строительство пробивал? Шекспир нервно курил в коридоре.

– Шекспир умер, – сказал Петр Игнатьевич. Он уже понимал, что проигрывает этот спор.

– Протестую, – быстро ответил Генеральный конструктор почти цитатой. – Шекспир бессмертен.

– Даже, если я соглашусь, Игорь Максимович будет против, – Ригерт сделал ещё одну попытку.

– Огнев? – небрежно осведомился Колосов. – Я с ним полчаса назад говорил. Он сказал, что идея интересная и, если ты согласишься, то и он палки в колёса вставлять не будет. Даже наоборот – всячески поддержит. «Нам, – сказал, – с поляками давно надо забыть про все прежние обиды. И полет «России» – отличный повод». Хочешь, сам ему позвони.

– Я тебе верю, – вздохнул начальник Центра подготовки космонавтов. – А...

– Министру не звонил, – сказал Колосов. – Нечего его по пустякам беспокоить.

– Ничего себе пустяки! Да если...

– Зато я разговаривал с Гарбич.

– Погоди. Ты имеешь в виду пресс-секретаря... – Ригерт показал глазами вверх. – Самого?

– Именно, – подтвердил Колосов. – С Галиной Викторовной. Мы с ней давно знакомы. Ещё с тех пор, как... Впрочем, неважно. Важно, что я с ней говорил, – Михаил Яковлевич значительно умолк.

– И... что? – предсказуемо не выдержал Ригерт.

– Одобрила. Дала понять, что мысль Огнева о налаживании по-настоящему добрых отношений с Польшей, небезынтересна как с политической, так и с экономической и даже национальной точки зрения. И Агнешка Калиновская может сыграть здесь положительную роль.

– То есть, ты получил добро на самом высшем уровне? Надо было с этого и начинать. А то морочишь мне тут голову.

– Ну, про самый высший уровень я тебе ничего не говорил. Гарбич лишь пресс-секретарь Президента. Но мы-то знаем, как и на что она может повлиять.

– Поконкретнее можно?

– Тебе не кажется, что ты стал слишком осторожным? – спросил Колосов. – Нужно уметь рисковать, товарищ Ригерт. Удача не любит тех, у кого поджилки трясутся по любому поводу.

– Ничего, – парировал Ригерт. – Бережёного бог бережёт. Это тебе, Михаил Яковлевич, можно рисковать при твоём таланте и заслугах. А мы люди простые, государевы люди, можно сказать.

– Ну-ну, не прибежняйся. Так вот тебе сведения, как государственному человеку. Гарбич обещала, что поставит Александра Николаевича в известность, если Агнешка удержится в отряде. Пока, она считает, этого делать не стоит.

– И она права. Ладно, – вздохнул Пётр Игнатьевич, – считай, уговорил. Давай сюда свою протезе. Будем знакомиться. Но учти, – от восторженности. – Только в отряд! И то, если пройдёт по здоровью и остальным тестам. Дальше – сама.

– По другому я бы не согласился, – сказал Генеральный конструктор. – Справедливость превыше всего.

Вызов ЦУПа застал Олега Чернея в своей каюте.

Своя каюта! Раньше о подобной роскоши можно было прочесть только на страницах фантастического романа. А теперь – пожалуйста. МПК «Россия» мог себе позволить то, что на прежних кораблях с их ограниченными энерго и прочими ресурсами было просто невыносимо.

Отдельные каюты для членов экипажа; самая настоящая кают-компания, где свободно размещалось девять человек и ещё оставалось место; спортзал, медотсек, целых три санузла и столько же душевых! Кроме этого имелись рубка, грузовой отсек, продуктовый склад и марс-палуба – специальное помещение на носу (не на самом носу, конечно, ниже – между ядерным реактором и капельным холодильником излучателем), откуда открывался фантастический вид на окружающее «Россию» космическое пространство. С прагмати-

ческой точки зрения марс-палуба была абсолютно ненужной. Но Генеральный конструктор «России» Колосов Михаил Яковлевич настоял.

– Поймите, – доказывал он чиновничьей правительственной комиссии, от которой напрямую зависело финансирование. – Кают-компания, спортзал и личные каюты – это прекрасно. Но они – защита. А марс-палуба – слияние.

– Михаил Яковлевич, – вежливо просила комиссия. – Вы не могли бы нормальным языком изъясняться?

– Так я и объясняю, – терпеливо говорил Колосов. – Защита от космоса и слияние с ним. Это психология. В полёте на Марс или даже, чем чёрт не шутит, ещё дальше, космонавт будет времени от времени приходить на эту палубу, садиться в удобное кресло и любоваться звёздами. Как матрос парусного судна любит океан с марса на верхушке мачты. Отсюда и название. Но, так как мачт у нас нет и понятия верха и низа весьма условны, добавлено слово «палуба». Марс-палуба. Видите, как она устроена? Практически сплошной обзор. Круговой. Прозрачная стена. Разумеется, непроницаемая для космического излучения и прочность соответствующая – не уступит остальному корпусу.

– Хм, – выражала сомнение комиссия. – А что говорят опытные космонавты по этому поводу?

– Космонавты в восторге, – сухо отвечал Михаил Яковлевич. – Опытные в особенности. Давно мечтали, говорят, о чём-то подобном.

– Ладно, – вздыхал чиновник и делал пометку. – Марс-палуба... Может, вы сразу уже и небольшой сквер запроектируете? Гулять так гулять.

– Обязательно! – восклицал Колосов. – Только не сквер, рановато пока. Гидропонная оранжерея. Вот здесь, – он показывал на объёмной схеме-чертеже. – Свежие огурчики, помидорчики, укроп-редиска-петрушка. Всего каких-то двенадцать кубических метров, а пользы, как от целого леса. Не передать. Но когда-нибудь будут и скверы и даже целые парки, – добивал он комиссию окончательно. – Это я вам авторитетно обещаю. К звёздам без парков никак добраться не получится.

Комиссия вздыхала, переглядывалась и подписывала все необходимые бумаги.

Олег перечитывал «Трёх мушкетёров». Волнующий момент в конце романа, когда Атос ищет палача на ночных улицах городка Бетюн. Но мы этого не знаем (или умело прикрываемся сами перед собой, что не знаем, если книгу уже читали раньше), поэтому действия Атоса и, в особенности, реакция редких прохожих на его вопрос (содержание которого нам также не известно) кажутся страшно загадочными. Невозможно оторваться.

И тут – на тебе, ЦУП на связи! Вне графика, между прочим. Что там случилось, подождать не могли?

Чертыхнувшись про себя, Олег закрыл книгу на закладке (помимо электронной читалки, набитой тысячами текстов,

он всегда брал с собой и три-четыре бумажные книги, протаскивая их на борт шаттла всеми правдами и неправдами) и дал добро на связь. Вспыхнул вирт-экран, на нём возникло...

Да ладно, подумал он в первую секунду, не может быть. Президент? Однако приходилось признать, что может. Потому что Президент России улыбнулся знакомой, чуть смущенной улыбкой, и сказал:

– Здравствуйте, Олег Геннадьевич!

Космонавты умеют быстро реагировать и соображать в любых нештатных ситуациях. Поэтому Олег улыбнулся в ответ и сказал со всей возможной искренностью и радушием:

– Здравствуйте, Александр Николаевич! – после чего не удержался и весело добавил. – Вы ли это?

– Сомневаетесь в своей способности отделять реальность от фантомов воображения? – не менее весело осведомился Президент.

– Туше, – сказал Олег. – Извините.

– Не за что. Я вас не слишком отвлекаю, Олег Геннадьевич, есть минутка?

– Можно просто Олег. А то мне неловко, когда глава государства ко мне по имени-отчеству обращается.

– Считаете, не по чину? – без улыбки спросил Президент.

– Считаю – да, – сказал Олег. – Пока.

– Похвальная скромность. Что ж, без отчества так без отчества. У меня к вам небольшой, но очень важный разговор,

Олег. Важный и конфиденциальный.

Олег присмотрелся, стараясь понять, откуда именно идёт звонок. То есть, понятно, что из ЦУПа, иначе связаться с кораблём на орбите практически невозможно, да и Василиса сообщила об этом, но откуда именно? Однако за спиной Президента виднелась самая обычная абсолютно ровная и однотонная светло-кремовая стена, которая решительно не могла служить ориентиром.

Таких стен в ЦУПе полно. И не только там. Звуковой фон тоже не давал никаких зацепок. Просто потому, что отсутствовал. Сам Александр Николаевич был без галстука. Белая рубашка в едва заметную голубую полосу, открытая шея, идеально сидящий пиджак. Темно-русые волосы, в которых уже заметна седина, лежат чуть небрежно – вероятно, чтобы, как и отсутствие галстука, подчеркнуть доверительность беседы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.